

A movie poster featuring a young man and a young woman in a post-apocalyptic setting. The man, on the left, has short brown hair and is wearing a green jacket over a white t-shirt. He is holding a blue assault rifle. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a white tank top. She is also holding a blue assault rifle. They are both looking off to the side with serious expressions. The background is a blurred city street with buildings.

Дмитрий Леонидович

ПАРАНОЙЯ

АПОКАЛИПСИС

18+

Дмитрий Леонидович Паранойя. Апокалипсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69756583

SelfPub; 2023

Аннотация

Весь мир сходит с ума. Наружу выходят страхи и страсти людей. Молодая пара тоже сходит, но их безумие оказывается даже приятным. Что возникнет из этого хаоса?

Содержание

1. Начало	5
2. День второй	24
3. Первые ростки хаоса	44
4. Ночь всех ракет и утро судного дня	65
5. Новые члены команды	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дмитрий Леонидович Паранойя. Апокалипсис

Все так смешалось.

Очень сложно

Найти свой путь

Куда-нибудь.

1. Начало

О том, что происходит, объявили только вечером в воскресенье.

В пятницу я ехал домой с работы. Устал ужасно. Еще и голова была мутной – заболел чем-то. Температура поднялась выше тридцати девяти, при этом – ни кашля, ни насморка. После обеда я держался исключительно на таблетках.

Вся неделя была какой-то дикой.

На дорогах народ будто взбесился. Столько пробок и битых машин, как за эти дни, я не видел за весь предыдущий год, даже зимой после снегопада. Вот и сейчас я краем глаза заметил – на съезде с кольца притерлись боками две машины и, похоже, началась драка. Всем было плевать. Поток медленно и безразлично объезжал возникшую пробку. Наконец, проехал, дорога впереди очистилась, я вжал педаль.

И на работе как будто весеннее обострение. Клиенты постоянно звонят, уточняют, не нарушим ли мы сроки. Пользователи истерят по поводу каждой непонятки, а непонятки у них случаются регулярно, причем по собственной глупости. Новые заказчики отказываются платить авансы. Коллеги злые, постоянно ссорятся. Начальство... ну хоть тут без изменений – как были жадными мудаками, так ими и остались.

Подъехал к дому. Какой-то деятель занял мое место на парковке. Я так устал, что даже разбираться с этим не хоте-

лось. Просто поставил машину чуть подальше от подъезда.

Поднялся в квартиру. Открыл железную дверь, зашел внутрь, в коридор, которому давно не помешал бы ремонт. Поморщился от вида дешевых обоев и ковролина на полу.

Квартира съемная. Живем тут уже год.

Я бы сделал ремонт, когда въезжал, но... один раз я так уже поступил. Когда только перебрался в Москву, снял свою первую комнату в Подмосковье у какой-то пожилой тетки. Тетка разговаривала строго, как будто я ей должен по жизни, как будто я бомж безродный, а она мне дворец сдает, а не ободранную комнату. Жить в бардаке мне не хотелось, руки у меня на месте, энергии дохрена, я сразу купил всё нужное и сделал ремонт. А через месяц квартирная хозяйка повысила арендную плату. Ремонт сделан? Сделан. Комната стала дороже. И если кому-то что-то не нравится – чемодан-вокзал-Рязань, а она на эту комнату другого жильца найдет.

Поэтому теперь я не тороплюсь делать ремонт. Повышение аренды я просто не потяну.

* * *

Вика уже дома.

Она выходит в коридор. У меня болит голова, это отвлекает от всего окружающего, и я не сразу понимаю, что вид у нее недобрый.

– Ты трахал Светку! – заявляет она.

Я молча скидываю ботинки.

– Олег, я знаю, ты ее трахал!

– Милая, я заболел, мне плохо.

– Я давно замечала, как вы переглядываетесь и жметесь в углах!

Вика покраснелась, руками машет, почти кричит.

Мы съехались год назад. Ради этого я и стал снимать эту квартиру, чтобы съехаться с ней. До того я жил один, в Подмоскowie, там сильно дешевле. Правда, дорога на работу и обратно выматывала еще больше, чем сейчас.

Познакомились в институте. Мы оба учимся заочно. Я работаю в небольшой АйТи компании, а Вика – в бухгалтерии торговой фирмочки. Учимся, чтобы стать кем-то значимым, а не просто «персоналом».

У нас много общего. Главное – обоим не на кого опереться. Я приехал в Москву и начинал тут с нуля. Она жила с матерью, без отца. Мать ей особой поддержки в жизни оказать не может, да и характер у нее непростой. Может, потому мы и сошлись, и держимся вместе, потому что больше нам надеяться не на кого. А еще мы с Викторией хорошо дополняем друг друга. И в постели, и вообще по жизни.

– Милая, я люблю тебя. Не Светку.

– Я знаю! Не спорь! Ты с ней спал! Признайся лучше сам!

Светка – еще одна студентка из нашей группы. Подруга Вики.

У меня в виске отдается острая боль. Я теряю терпение и ору:

– Да, я трахал эту толстожопую Светку! Два раза! Доволь-

на?

* * *

У Вики на глазах появляются слезы.

– Зачем, Олег? Чего тебе не хватало?

– Это было давно, – я выплеснул эмоции и успокаиваюсь. – Еще до того, как мы съехались. Просто любопытно стало, а она не против была.

В дверь звонят. Потом колотят кулаком.

«Соседи, – решаю я. – На крики пришли».

Открываю замок, распахиваю дверь.

Из полутьмы подъезда на меня наваливается высокая массивная фигура. Какой-то мужик хватает меня за горло, валит своим весом на пол. Я только успеваю шею подогнуть, чтобы затылком не удариться, но все равно в глазах после падения на миг темнеет.

Мужик душит меня. Я копошусь под ним, пытаюсь отодрать его руки от шеи.

– Я тебя, гнида, за Светку задушусь!! – рычит он.

«Это еще кто??».

Я ничего не могу сделать. Неужели это конец?

Вдруг мужик со всхлипом вдыхает, прогибается назад. Его руки слабеют. Я спихиваю его с себя. Вижу, что из уголка его рта тянется тонкая струйка крови.

* * *

Я отползаю от мужика и дышу.

Причина, почему он меня отпустил, очевидна. У него из

спины торчит ручка кухонного ножа. Рядом бледная Вика, переводит глаза с меня на него.

– Спасибо, – говорю, откашлявшись.

– Я его убила?

– Ага. Что это за псих?

– Сосед наш. У него жену Светой зовут. Толстая такая.

– Твою мать!

Я встаю и захлопываю дверь.

– И что теперь?

– Не знаю. Под голову ему бы что-нибудь подложить, а то кровь изо рта на ковролин попадет, потом с хозяевами не расплатимся.

Арендодатели – особенные люди. Когда человек начинает регулярно сдавать недвижимость, у него необратимо меняется мозг. Любую порчу своего имущества, самую мелкую, он замечает и оценивает. Я знаком с экономикой и абсолютно уверен, что стоимость аренды покрывает и косметические ремонты, и капитальные, и износ всего оборудования, и даже стоимость жилья с учетом ипотечного процента. Но стоит об этом заикнуться арендодателю, как происходит загадочная метаморфоза. Человек, который только что в уме легко пересчитывал разовые платежи в годовые и ежемесячные аннуитеты, тут же надевает маску дебила и говорит, что ничего такого он не знает, но денег я ему должен. Маска дебила – последняя и непробиваемая линия обороны жадных мудак. Почему так происходит? Потому что для людей, сдаю-

щих жилье, это не бизнес, а способ существования. У них есть входящий денежный поток, который можно направить либо на содержание недвижимости, либо на себя. На себя, конечно, хочется больше. Они и тратят. На ремонты средств не остается, и они находят способ компенсации – тянут дополнительные деньги со съемщиков.

Вика приносит с кухни пакет. Мусорный.

– На голову ему надень, – советую я.

Конечно, такие операции с трупом полицейские воспримут с большими вопросами, но найти общий язык с полицией возможно, а с арендодателем – невероятно.

– Что же теперь будет?

Я жму плечами. Иду на кухню, плещу холодной водой в лицо. Голова чуть-чуть просветляется.

– Я думаю, это самооборона. Он явно психованный, еще немного и убил бы меня. Хотя, конечно, нервов из нас высусят много.

– А вдруг меня посадят? Будешь Светку трахать? А я как же? – плачет.

– Далась тебе эта Светка.

– Я ее убью! Вот сейчас поеду и убью! Сука! А еще по-другой казалась.

– Тихо, никого не надо убивать. Тогда тебя точно посадят. Вот представь, – я обнял девушку за плечи. – Ты в тюрьме, Светка мертвая, кого я буду трахать?

– Тогда я тебя убью? – с сомнением предложила она.

– Тогда тебя тоже посадят, и некому будет тебе передачи носить. И трахать тебя тоже будет некому.

– Это да... – носом шмыгнула, успокоилась, задумалась.

* * *

Полицию мы не вызывали. Соседи наверняка слышали шум, может даже вызвали наряд. Но тут как раз началась громкая ссора на этаж выше, если наряд и приезжал, им было с кем разбираться помимо нас.

Мы сидим на кухне. Я принял какой-то особо ядреный аспирин от температуры и головы. Вика чуть успокоилась.

– И что теперь делать? Полицию вызывать?

Когда боль отступила, я осознал, что мы в заднице.

У нас на полу в коридоре труп.

Доказывать отсутствие превышения самообороны будет непросто. Скажут в суде, что Вика могла схватить не нож, а, допустим, скалку, и не убивать, а оглушить. И что? И это в общем-то правда, поди докажи, что скалку искать надо, а нож на столе лежал. И вообще она не в том состоянии была, чтобы разные варианты просчитывать.

С полицией я имел дело только при проверках документов. И от этих контактов осталось стойкое впечатление, что люди там сталкиваются со всяким, от чего сильно очерствели. С плохими людьми они сталкиваются чаще, чем с хорошими, потому заранее смотрят на всех окружающих с подозрением. Наш случай станет для них заурядной бытовухой, одной из многих, наша судьба им глубоко безразлична,

чем это дело кончится – зависит от настроения какого-нибудь прокурора или следователя. Возможно, из нас попытаются выжать денег. Много. Сколько не жалко за свободу. А если не дать – могут всех собак на нас повесить, чтобы показатели раскрываемости повесить.

Нет, может всё и не так, а следователи – сплошь милые люди, которые сочувствуют невинным. Но проверять это на своей шкуре не хочется.

В общем, вызывать полицию желания нет. Не верю я им. Поговорили с Викой. Та боится. Я просто пессимист, а она почти в панике.

* * *

Вика сидит на табурете, смотрит на меня. Молчит и боится.

У нее шок, адекватно соображать она сейчас не способна, принятие решения переложила на меня.

У меня голова мутная и температура. Но переложить решение с себя мне не на кого.

Решать надо, причем быстро. Чем дольше мы не вызываем полицию, тем больше подозрений это вызовет.

А вызывать не хочется. Вот не верю я им. Как задумаюсь – сразу в голову эпизоды из сериалов лезут – то как телку главного героя сажают за явную самооборону, то как в тюрьме ее прессуют потом, то в другом сериале мужику что-то подкидывают, и его сажают, вообще ни за что, и деньги из него трясут...

И чем дольше мы так сидим, тем меньше желания вызывать полицию. Если вызовем – это создаст нам гарантированные неприятности. Может, небольшие. А может они выльются в реальный срок для Вики. Мы не знаем. А если не вызывать, если мы попытаемся смерть этого психа скрыть, есть шанс, что нам ничего не будет. Но если найдут – вероятность сесть выше, срок больше, причем уже для обоих.

Тут аспирин подействовал, меня пот пробил, температура спала, в голове окончательно прояснилось.

Уже полчаса прошло, если вызывать полицию – возникнут вопросы, почему так долго.

Как этот мужик к нам ворвался, никто не видел. В квартире следов тоже не останется. Из раны в спине крови почти не вышло, она в одежду впиталась, изо рта немного вытекло – но на голове пакет, кровь в нем осталась. Если тело как-то незаметно вывезти – то нас к нему никак не пришьешь.

Я подошел, оценил объем задачи. Мужик улетел лет сорок, высокий, толстоватый. Кило на сто двадцать, а может и больше, потянет.

Я с сомнением посмотрел на Вику. Нет, она мне не помощница в погрузке трупа. Мы с ней вдвоем в сумме весим как одно это тело. До машины не дотянем никак. А уж незаметно – точно не вынесем.

Изложил проблему подруге. Я в нашем дуэте обычно стратег, а она – практик.

Носом шмыгнула, говорит:

– Надо ему руки-ноги отрезать и отдельно упаковать.

Я искал другие варианты. Не нашел. Не сбрасывать же его с балкона? Такой фокус точно незаметно не пройдет, даже если допоздна выжидать. Это только кажется, что ночь, темно. В доме – десятки квартир, столько же в доме напротив, во дворе молодежь зависает, из клубов люди возвращаются, у стариков бессонница, перед окнами сидят, у собачников недержание, в общем – на любой шум точно кто-то высунется и посмотрит, что за движ происходит. И не просто посмотрит, еще и на телефон снимет, и в сеть выложит.

– Даже если конечности отрежем, тело всё равно большое, тяжелое. И как его прятать от чужих глаз?

Моя милая встала, подошла, приценилась.

– В мой большой чемодан войти должно, если без головы.

Притащила из спальни чемодан на колесиках, с выдвижной ручкой, примерила. Реально подходит по размеру.

– А остальное – в мусорные пакеты и в твою спортивную сумку упаковать.

– Это вариант, да... и я знаю, куда можно отвезти выбросить, – сдался я.

План был намечен, осталось его выполнить...

Потом, позже, я понял, что действовали мы, мягко говоря, несвойственным нам образом. Обычно я трупы не расчленяю. И Вика в этом не была замечена. Но это мы потом поняли, а тогда – просто выполняли задачу.

* * *

Никогда не думал, что тащить человеческое тело так тяжело и неудобно. Чуть поясницу себе не сорвал. А ведь слабаком меня не назовешь. Хорошо – переносить надо было недалеко – из коридора в ванную, всего пару метров. Взял под мышки и потащил. Ванная у нас совмещенная с туалетом, благодаря этому довольно большая. В компактной с телом не развернешься, а так – дотащил, туловищем на бортик положил и внутрь перевалил.

Вздохнул. Нож из спины покойника вытащил. Примерился лезвием к суставу на ноге. Понял – надо одежду снимать. Хотя бы чтобы кровью ее не залить, иначе потом все вокруг испачкаем.

Стали вдвоем ворочать и раздевать тело. Мерзкая и тяжелая работа. Хорошо – мне вещи сохранять целыми не надо, куртку и футболку просто на спине разрезал и, как распашонку, стащил с рук.

В куртке, в кармане, нашелся кошелек. А в нем – пара банковских карт, клочок бумажки с записанными пин-кодами от них, и деньги. Не очень много, но и немало – тысяч двадцать. Для человека средних лет, жизнь которого как-то определилась, это просто обычная сумма на бензин и карманные расходы, а для нас с Викой – серьезные деньги, потому что после оплаты за квартиру от наших зарплат остается ровно столько, чтобы дотянуть до следующего месяца.

Карты сначала хотел выбросить вместе с одеждой и отключенным телефоном, но пожадничал. Оставил, думаю –

вдруг как-то получится снять с них деньги без риска попасться.

В барсетке лежали документы на машину и ключи от нее. Китайский внедорожник. Я его видел иногда у подъезда – немолодой, но вполне рабочий агрегат.

– Я в детективе читала, сейчас везде видеокамеры, – вдруг вышла из апатии Вика. – Если на своей машине поедешь, тебя засекут и по номеру вычислят. А если на его – нужно просто отпечатков не оставить внутри, и машину потом где-то в стороне бросить.

Это предложение показалось мне удачным. Может, мне просто не хотелось марать свою машину перевозкой трупов.

* * *

Потом, вспоминая наши неумелые действия, я понял, что следов мы оставили столько, что самый ленивый следователь нас нашел бы. Ну вот, скажем, одежду с тела мы снимали, а перчатки на руки не надели перед этим. И оставили отпечатки и на пуговицах, и на самом теле. Если бы его нашли – нам конец. И в машине мы наверняка оставили следы. Хотя те же волоски, прилипшие к подголовнику, или следы грязных подошв на коврике. А может – наши голоса на авторегистраторе, в тот момент мы даже не задумались о том, что он там есть. И записи на регистраторах соседских машин. И запись маршрута в навигаторе. В общем, преступники из нас получились так себе.

Всё делали, как в тумане. Хотя при этом я всё видел пре-

дельно четко. Помню, в школе про Раскольниково читал, там что-то похожее описывалось, он тоже в полубреду с места преступления уходил. Вот и у меня как-то так получилось.

* * *

Тело без одежды выглядело мерзко. Хорошо хоть пакет непрозрачный на его голове, лица не видно. А мне еще и поворачивать его, и разрезать...

Вот странно, мужики в бане тоже голые, но отвращения не вызывают. Правда, там к ним прикасаться не приходится. Зато сейчас отступить уже некуда.

А раз отступить некуда – эмоции и чувства нужно засунуть поглубже и делать то, что надо. Кроме меня никто этого не сделает. На самом-то деле человек в безвыходном положении может совершить многое, чего и представить в обычной жизни не может.

Опыта в расчленении чего-то более крупного, чем курица, у меня, конечно же не было от слова «совсем». Самое близкое – рядом с домом родителей есть магазин, куда привозят свежее мясо тушами, и там в рабочей зоне, прямо за прилавками, на глазах покупателей, эти туши разделывают. Мне приходилось видеть, пока в очереди стоял. Там у мясника были разные инструменты на все случаи жизни, и вот, когда нужно было разделить крупный сустав, он действовал коротким очень острым ножом. Вот и я взял нож подходящий, наточил его и...

Это было физически тяжело и отвратительно. Но всё пло-

хое рано или поздно кончается.

Когда мы упаковали части тела в отдельные пакеты, рас-
совали в чемодан и сумку, уже стояла глубокая ночь.

* * *

Я собирался грузить и везти тело один. Но Вика сказала, что поедет вместе со мной. Где-то поможет, где-то посторожит, да и едущая ночью в машине парочка меньше подозрений вызывает, чем встрепанный одинокий парень.

Я согласился. Девушка у меня разумная, ее советы обычно бывают полезными, удачными и вовремя.

Переоделись, перчатки и бейсболки надели, постояли немного перед дверью, обнявшись, и поперли наш груз в подъезд, в лифт, к выходу.

Вышли, старясь не греметь дверью.

Я огляделся – вроде тихо. Вдалеке машина проехала. В некоторых окнах свет горит – полуночники чем-то интересным занимаются. Во дворе людей не видно. Тепло. Соловьи поют.

– Ты тут постой с вещами, я машину найду и подгоню, – вот уже и пригодилась Викина помощь.

Нажал кнопку брелка – внедорожник покойника фарами мигнул. Я сел, завел, подрегулировал зеркала и сиденье, подкатил задом к подъезду. Не сразу нашел кнопку открытия багажника, потом сообразил – на брелке она есть.

Багажник у этого чуда китайского автопрома был большой. Чемодан с телом в нем почти незаметен. Что удобно –

на порошке багажника ролик стоит, на него краем чемодан забросил, а дальше закатываешь, легко и удобно. Молодцы китайцы.

* * *

Сели, тронулись, выехали из двора. Стало немного легче, напряжение спало. Потом подумал – вдруг на посту на выезде из города остановят? Опять стало страшно. Я твердил себе, что смогу, что должен позаботиться о Вике.

– Куда едем? – она спросила.

– За город. Рядом с тем местом, где я квартиру снимал, есть то ли река, то ли канал. Через него мост. Вот с него и скину.

В машине радио работало, как я двигатель завел, так и стало бубнить. Сначала не обращал внимания, потом что-то начали говорить о крупном ДТП на МКАДе. И не просто ДТП, грузовик намеренно снес с дороги внедорожник, который вылетел через ограждение, скатился по склону на развязку и там загорелся. А в него другая машина въехала.

– Жуть какая.

– Ага.

Мы так увлеклись сообщением, что не заметили, как проехали пост. Нас не остановили. Может, у дежурных были более интересные дела, а может увидели, что я не один, и не стали тормозить. Пятница, парочки из клубов как раз возвращаются, мы на этом фоне ничем не выделяемся.

Как проехать к нужному мостику я помнил – ходил летом

купаться в те места, когда жил рядом.

Мост был пешеходным, выезд на него перегорожен столбиками. Но нам несложно и пешком дотащить сумки и чемодан от берега до середины пролета, это недалеко.

Там я по очереди выбросил пакеты за ограждение. Самый тяжелый поднимали вдвоем. Я побаивался, что туловище не утонет, но мы примотали к нему пару кирпичей, и проткнули в нескольких местах, чтобы газы выходили (про это Вика в детективе читала), так что утонуло и оно.

Когда в воду улетел последний пакет, с вещами покойника, я вздохнул с облегчением.

* * *

Домой вернулись без приключений. Машину оставили на обочине дороги, метрах в ста от нашего дома. Ключи от нее я не выкинул, подумал – вдруг еще пригодится?

Сели на кухне, Вика чай зеленый согрела. Сидим, пьем, в себя приходим.

– А вдруг нас найдут и посадят? – вдруг спрашивает.

– Не бойся, если совсем плохо будет, я на себя всё возьму.

Сказал это и понимаю – да, так будет правильно. Я в любом случае должен защитить свою ласковую нежную девочку.

– Ты правда меня любишь? – носом зашмыгала.

– Правда. Ты же тоже человека не побоялась убить, чтобы меня спасти.

– Это потому, что я эгоистка. Я тебя хочу, а если тебя

убьют – кто меня трахать будет? Да и вообще, жить без тебя я как буду?

– Я тоже эгоист. Ты самое дорогое, что у меня есть, потому я тебя буду защищать и заботиться о тебе.

Чай был тут же отставлен в сторону, мы стали целоваться, обниматься, через пару минут перекочевали в постель.

Вообще о Вике правильнее сказать, что она нежная, чем что страстная. Но в ту ночь что-то изменилось. Она прижималась ко мне, скользила всем телом по моей коже, терлась лобком о мое бедро, жадно целовала. Ее губы были сухими и теплыми, а дыхание хриплым.

Она быстро распалилась и тихо простонала «Ну давай же».

Я вошел. Никогда раньше она не была такой горячей, как будто я член в нагретую духовку сунул. Духовку с упругим скользким входом. Раньше я думал, выражение «горячая женщина» – образное, а оказалось – действительно такое бывает.

Движения наши были быстрыми и жесткими. Вика ахала. Кровать скрипела. Потом я выплеснулся в нее, а она выдала утробный стон и вцепилась мне в спину когтями.

Пока я лежал на подруге, собирая свои мысли в кучку, она успела немного поплакать, успокоиться и сонно засопеть.

Я тихонько примостился рядом, прижал ее к себе и тоже провалился в сон.

* * *

Ночью я проснулся от ее тихих стонов. Она хрипло дышала, тело было обжигающе горячим.

«Неужели я ее заразил? – пришла мне в голову мысль. – И она так быстро заболела?».

Мысль эту я отбросил, как несущественную. Надо было мерить температуру, сбивать ее как-то, может горло проверить, или еще что. Разбудил Вику. Она бредила, еле понимала, что происходит.

Принес ей воду с растворенной жаропонижающей таблеткой. Дал выпить. Протер ей тело прохладным влажным полотенцем. Положил его ей на лоб. Вроде стало легче, но тело всё равно горячее.

Что еще? Вызывать скорую?

Попытался дозвониться, долго ждал ответа. Оператор усталым голосом сообщила, что все машины на вызовах, до утра ко мне ехать некому. Назвала несколько средств, которыми можно сбить температуру.

Я обшарил аптечку. У нас в ней кроме бинта и йода почти ничего и нет.

Намочил в холодной воде уже нагревшееся на лбу Вики полотенце.

– Обними меня, – шепчет.

Я обнял. Прижал ее тело к себе плотно. Подумал – если обтирания оказалось недостаточно, чтобы сбить температуру, то плотного контакта с моим телом может и хватить. Ее сорок пять кило с повышенной температурой, мои семьдесят

пять — с нормальной, теплообмен так или иначе ее остудит.

Так и получилось. Вика успокоилась, дыхание выровнялось, она заснула. И я заснул.

* * *

Проснулся в темноте. Под ладонью — гладкая горячая округлость. Вставший член удобно примостился в ложбинке между ягодицами. И эти ягодицы прижимаются ко мне.

Сквозь сон начал поглаживать шелковистую кожу бедра и зада. Потом перебрался ладонью на грудь.

Пока всё это происходило, мы оба проснулись.

Вике стало лучше. Она недвусмысленно стала поглаживать ладошкой мой член и прижиматься ко мне задом. Подруга опять была влажной, горячей и на всё готовой.

В этот раз я не торопился. Мой член упруго толкался в ее влагище. Она постанывала. Пару раз меняли позы. Скоро оба получили свое удовольствие.

Мы что-то прошептали друг другу в благодарность и снова уснули.

2. День второй

Проснулся я поздно. Проснулся от того, что мой член попал в мягкие теплые губы.

Над моим пахом склонилась голова Вики.

Скоро члену стало тесно во рту. Она подняла лицо, хитро улыбнулась.

– Нравится такое пробуждение?

– Ага, – выдохнул я.

– А если так?

Она наклонила голову, неторопливо накручиваясь губами на член. Глубоко. Совсем глубоко. Пока моя головка не почувствовала впереди препятствие, ее железы. После короткой задержки Вика отпрянула. Она улыбалась.

– Мне сложно. Нужна практика. Я давно хотела попробовать, но стыдно было.

Девушка села верхом на мое бедро, потерлась о него промежностью. Она уже была влажной.

Потом перебралась на член. Села, покачалась на нем недолго. Слезла, улыбнулась шкодливо, глядя на мое лицо взяла член в рот. Облизала головку. Всосала глубоко. Опять села на него верхом.

Так она развлекалась еще несколько раз, пока не стала терять контроль над собой. А потом отбросила все игры и стала мощно двигать задом, прижимаясь ко мне своим гладким

лобком.

– Давай! – резко задергалась она, когда у нее приблизился оргазм.

Через несколько движений я выплеснулся в нее.

– Феерично! – выдохнула она мне в шею, когда дыхание успокоилось. – Я теперь буду делать всё, что ты захочешь. Всегда. Чего бы ты хотел?

– Есть одно желание, которые ты можешь исполнить прямо сейчас.

– Да? – заинтересовалась подруга.

– Встань, иди голой на кухню, и приготовь мне омлет.

Вика улыбнулась и вышла из спальни, виляя попкой. Скоро по квартире расплылся запах жареных сосисок, которые она нарубила на сковородку. Я не выдержал, встал, не дожидаясь, пока она меня позовет.

* * *

Вика выглядела вполне здоровой. Поглядывала на меня исподлобья, игриво улыбалась, но при этом не забывала наворачивать омлет и бутерброды, так активно, что ее щеки торчали, как у хомяка.

– Как ты?

Улыбнулась:

– Неплохо. Чувствую себя удовлетворенной и довольной жизнью.

– А вчерашнее?

Пожала плечами:

– Будем смотреть, что из этого получится. Пока никто нас арестовывать не пришел.

Я задумался. Ее слова зацепили какую-то мысль.

– Знаешь, я вчера «скорую» пытался вызвать, сначала долго ждал ответа, потом сказали, что машин свободных нет, и до утра никто не приедет. Странно это.

– Вообще что-то странное происходит всю неделю. Люди как с цепи сорвались.

– И болезни наши так некстати...

– У нас таблетки кончились, надо купить. Вдруг вечером снова температура поднимется?

Я кивнул, схожу, мол сейчас.

Доел, оделся, пошел.

* * *

Перед тем как открыть дверь, посмотрел в глазок. Вспомнилось, как вчера неожиданно на меня налетел буйный бующий покойник, испугался – вдруг опять дверь открою, а там...

Лестничная площадка пустовала.

Я поцеловал всё еще голую Вику и вышел. За моей спиной гроыхнула дверь, щелкнул замок.

Я остановился перед лифтом, нажал кнопку. Почему-то шума лебедки слышно не было. Я прислушался – из шахты лифта раздавались размеренные звуки. Глухие удары. Кто-то застрял?

За моей спиной загремел замок соседей. Дверь приоткры-

лась. В узкую щель выглянула женщина, круглощекая, лет сорока.

«Это та самая Света, жена соседа, которого мы...» — догадался я.

— Молодой человек, — негромко позвала она.

Я повернулся. Я был смущен. Вдруг она догадается, что это мы ее мужа завалили?

— Молодой человек, вы меня изнасиловать хотите?

— Что? — впал я в ступор.

— Вы меня изнасиловать хотите. Я знаю. А я сейчас совсем одна, представляете?

Пока она говорила, дверь ее квартиры медленно открывалась. Женщина стояла за ней совершенно голой. В одних тапочках.

— Муж куда-то ушел, некому меня защитить...

Большие груди лежали на выпирающем животе. Растянутые складки кожи на боках гармонично сочетались с целлюлитом на толстых бедрах. В центре всего этого великолепия чернел лохматыми волосами лобок. Я почувствовал тошноту.

— Нет, что вы! — замотал я головой.

— Не обманывайте. Я видела, как вы отводили взгляд, когда мы ехали в лифте. Вы давно хотите меня изнасиловать!

Мое отрицание застряло в горле. Дверь открылась полностью, и я увидел, что в руке женщины разделочный топорик для мяса. Цельнометаллический, продолговатый такой, тя-

желый.

– Вы не так поняли... – голос у меня вдруг сел, я почти шипел.

– Я вам не верю, не надейтесь меня обмануть.

Женщина сделала шаг ко мне. Я, не отводя взгляда от ее безумно спокойных глаз, отодвинулся спиной вперед в сторону лестницы. Она опять шагнула, а я опять отошел. Я боялся сделать резкое движение, я боялся развернуться, чтобы не спровоцировать эту сумасшедшую.

Тут я вспомнил, что спорить с безумцами нельзя. Даже если они несут полный бред.

– Вы правильно догадались, но вот прямо сейчас я для вас не опасен. Я совсем недавно изнасиловал другую девушку. А насиловать больше одной девушки в день мне психотерапевт запрещает.

Я нес какую-то матерую ересь и отступал к лестнице. Она слушала и двигалась за мной.

Дверь нашей квартиры тихо щелкнула и открылась.

За спиной безумной тетки появляется Вика.

Над головой сумасшедшей взлетает и опускается табурет.

Тетка валится на пол. И топор роняет. Он ужасно громко звенит по кафельной плитке, эхо разносит звук по всем этажам.

Вместо голый толстухи передо мной оказывается голая Вика. С табуретом в руках и широкой улыбкой на лице.

– Тебя вообще отпускать из дома нельзя, кобелина. При-

знавайся, давно ты ее соблазнил?

Тут на пару этажей ниже проворачивается замок, кто-то выходит из квартиры. Вика вспоминает, что она голая, и за-скакивает обратно в квартиру, вместе с табуретом. И я за-скакиваю за ней, потому что что делать – не понимаю.

* * *

Тихо закрываю дверь квартиры и прижимаюсь к ней спи-ной.

– Что за чертовщина происходит? У них вся семья боль-шая на голову?

– Ты с ней точно не спал? А то странное совпадение – муж ее на тебя из ревности бросается, потом она голой бросается на тебя. Я, конечно, могу понять ее чувства. Сама с радостью с тобой трахаюсь, но конкурентки мне не нужны. Мне самой мало.

– Да не трахался я с ней! – кричу шепотом. – Ты эту тетку видела?

Вика задумалась на секунду, поверила. Потом ее мысль перескочила на другое:

– Ой, я что, опять человека убила? Что же делать? Нас посадят теперь?

Я прикинул варианты.

– Может, пока никто не увидел, затащим ее в ее же квар-тиру и там оставим?

– Ага! – закивала головой подруга.

Я смотрю в глазок.

Тела нет.

– Наш труп сбежал!

Вика отталкивает меня, сама смотрит.

– Вот блин!

Через железную дверь мы слышим визг в подъезде, потом хлопает дверь на улицу.

Я открыл дверь, выглянул.

Площадка пуста. Трупа нет, топора нет, ничего нет.

«Что за хрень?» – не понимаю.

Тетка тяжелая, так быстро никто ее утащить не мог. Да и кому нужна, кроме нас, толстая голая мертвая тетка? «Некрофилу», – подсказывает подсознание.

– Сюда иди! – кричит Вика из кухни.

Я подбегаю. Наши окна выходят во двор дома, на ту сторону, куда открываются двери подъездов. Вика смотрит вниз. Даже окно открыла и, прямо с голой грудью, высунулась наружу, чтобы лучше видеть.

Выглядываю.

Перед подъездом стоит недоубитая нами тетка. Голая. Толстая. В тапочках. С топором.

У подъезда несколько человек. Люди, кто рядом с ней, шарахаются от безумной. Кто подальше, наоборот, пальцами показывают и подходят, чтобы рассмотреть. Кто-то уже и телефоны достал – снимают.

Тетка смотрит по сторонам, говорит что-то. Люди к ней придвигаются.

– Наверное, втирает, что ее изнасиловали. Или хотели изнасиловать, – предположила Вика.

– Или прямо сейчас хотят.

Какой-то мужчина подходит ближе, снимает джинсовую куртку, чтобы прикрыть тела сумасшедшей.

Та что-то говорит. Он качает головой. Та вцепляется в его рубашку рукой и взмахивает топором. Мужик пытается отпрыгнуть, не удается. Топор рассекает ему ключицу. Толпа кричит и мечется.

Тетка взмахивает топором еще раз. Мужик пытается прикрыться здоровой рукой. Тетка толстая, удар у нее тяжелый. И топор тяжелый. Он раскалывает голову.

Тело падает. Безумная наклоняется и наносит еще несколько ударов по нему.

Потом распрямляется. Растрепанная, окровавленная. Теперь ее безумие видно издалека.

– Вот дерьмо!!

– Ага!

Подъезжает машина полиции. Останавливается невдалеке. Выходит пара ментов. Один совсем молодой, испуганно вцепился в автомат, второй выглядит старше и спокойнее.

Подходят к безумной.

Тот, который старше, жестом руки останавливает напарника и медленно достает пистолет.

Тетка что-то говорит.

Полицейский с расстояния в пару метров поднимает ору-

жие, целится, стреляет. Дважды.

Тело голой тетки падает.

– Вот дерьмо!!

– Полное!

Свидетели на улице испуганно молчат. Полицейский что-то объясняет. Выносят покрывала, накрывают тела. Полиция уезжает. Тела у подъезда остаются. Люди расходятся, некоторые звонят куда-то и темпераментно рассказывают об увиденном.

* * *

– Они ее просто замочили! Даже не пытались арестовать или поговорить, – Вика отошла от окна и села на табурет, обхватив себя руками.

– Меня больше испугало, как именно они это сделали. Ты видела, старший приказал напарнику не стрелять из автомата? Он понимал, что из пистолета спокойно ее убьет. Из пистолета чище и безопаснее для окружающих. Они не первый раз так убивают.

– Что за хрень происходит? – девушка обхватила свою голову руками.

Ее груди качаются между локтями и отвлекают меня от убийства.

Вика замечает мой взгляд.

– Что? – улыбается. – Ты снова меня хочешь?

– Не сейчас, – беру я себя в руки.

Я взрослый мужчина, я должен позаботиться о моей де-

вочке. Сейчас нужно не трахать ее, а выяснить, что происходит, и сходить в аптеку, за жаропонижающим.

– Я спущусь, поговорю с людьми, потом в аптеку.

– Я не отпущу тебя больше одного. Вместе пойдем. Буду тебя от голых озабоченных теток защищать.

– Я от таких голых теток теперь сразу убежать стану.

– А вдруг она будет голой, но молодой и красивой? Тоже убежишь? – с подозрением прищурилась Вика. – Нет уж. Я с тобой. И нож возьму.

– Голой, молодой и красивой? Прямо как ты сейчас?

– Точно! – подруга от комплимента расплывается в довольной улыбке.

И идет одеваться.

* * *

Площадка нашего этажа пустовала. Дверь соседней квартиры так и осталась открытой настежь.

Вика остановилась. Судя по хитрой морде лица, что-то задумала. За руку дергает:

– Давай зайдем, посмотрим. Они вроде вдвоем жили.

– А вдруг там кто-то есть? – тихо отвечаю. – Может, у них дети были?

– Были бы у этой тетки дети в квартире, она бы не бегала голой. Ну или сначала она бы их топором...

Мысль была логичной. Квартира соседей должна пустовать.

– Но это вроде как кража.

– Какая кража? Если что, скажем, дверь открытую увидели, зашли спросить, не нужна ли помощь. Если там пусто, найдем ключи, запрем, потом в удобное время спокойно поищем, что там интересного есть.

– Только я первый. И нож мне дай.

Вика подала мне кухонный нож среднего размера, который перед выходом сунула себе в набедренный карман штанов.

Я вошел.

– Есть тут кто? – поинтересовался из вежливости.

Молчание.

Заглянул в ближайшие двери. Кухня, ванная, туалет – везде пусто. Проход в гостиную – пусто. Спальни, две, за закрытыми дверями – тоже пусто. На балконы через окна заглянул – там тоже нет никого.

– Слушай, какая отличная квартира у них! – восхитилась Вика.

Квартира действительно от нашей отличалась, как новый «мерседес» от дедушкиных «жигулей», догнивающих в деревенском доме родителей. Во-первых, размерами. Она была трехкомнатной, наша – однокомнатная. Во-вторых – ремонт сделан отличный, с качественными материалами.

– А смотри как кухня оборудована! Тут даже посудомойка есть! – слышались восторги Вики.

Это в-третьих, да. Бытовая техника и мебель хорошие везде стоят.

– Давай потом посмотрим. Ночью.

Мне было страшно вот так спокойно ходить по чужой квартире, хозяйку которой только что застрелили на глазах всего дома.

– Вдруг соседи решат прийти, ее мужа поискать в квартире?

Вика спохватилась, быстро нашла ключи. Они висели на крючке на специальной дощечке в коридоре. Рядом висели ключи от машины. Похоже, кроме внедорожника мужа у безумной Светы была и своя.

Мы заперли входную дверь и по лестнице пошли вниз. Лифт всё еще не работал. И из него раздавались всё те же размеренные звуки, которые я слышал, когда напоролся на сумасшедшую.

* * *

Перед подъездом лежали два тела, накрытые тканью. Недалеко стояла кучка жителей дома, обсуждали происшествие.

Людей во дворе было гораздо меньше, чем в обычный день. Сегодня же суббота. Обычно за продуктами ездят, с детьми гуляют, компании молодежи пиво пьют, старики на солнце греются. Сейчас людей было мало, празднующих людей и вовсе почти не видно. Кто-то быстро проходит по своим делам, настороженно поглядывая по сторонам, и еще вот соседи кучкой стоят.

Подошли к ним. Спросили, что полицейские сказали. Нам

одна словоохотливая тетка пересказала. Оказывается, у психов обострение массовое, санитары психушек не справляются. Почему – неизвестно. Психи опасны. Полицейские, потеряв много людей, получили приказ стрелять на поражение. Рекомендовали из квартир не выходить, контакты с людьми, даже знакомыми, сократить до минимума.

Выслушав, мы пошли дальше.

– Надо было сразу в сети посмотреть. Там должно быть много видео и сообщений, если такая хрень происходит.

– Ага. Вернемся – посмотрим.

– Та тетка, которая рассказывала, тебе глазки строила.

– Серьезно?

– Тебе, котяра, это нравится?

– Мне ты нравишься. А та тетка – нет.

Вика улыбнулась, расслабилась.

* * *

В ближайшей аптеке купили жаропонижающее. Тех чудо-таблеток, которые помогли мне продержаться на работе, не оказалось, разобрали. Вроде как эпидемия гриппа неожиданно началась. Неделю назад ничего не было, а тут вдруг целая эпидемия. Девушка-аптекарь посоветовала взять анальгин в ампулах и еще что-то. Сказала, если это вместе ввести, сто процентов температуру сойдет. Взяли. И шприцы взяли.

Пока возвращались к дому, пришла новая идея – закупиться продуктами. Вспомнили американцев, которые при любой непонятной фигне скупают туалетную бумагу. А мы

будем скупать не бумагу, а продукты. То, что непонятная фигня уже всюду происходит, – очевидно.

Взяли мою машину, доехали до супермаркета. Там бросилось в глаза, что ажиотажа еще нет, полки еще полные, но на лентах перед кассами завалы продуктов гораздо плотнее, чем в обычную субботу. И набор продуктов изменился – многие покупают не йогурты со вкусом экзотических пищевых добавок, не сыры с плесенью, а вполне себе простые макароны и крупы, причем не по одной упаковке.

Как я эту тенденцию увидел, понял, – надо брать по максимуму, иначе завтра-послезавтра даже хлеб не купим, разметут всё.

Мы загрузили две большие тележки. Спонсором этого развлечения стал сосед-покойник. Я использовал его карточку. Даже снял деньги с его карточек, сколько банкомат выдал.

На случай, если всё же попытаются расследование устроить, натянул бейсболку так, чтобы на камере не опознали, но я уже не верил, что кто-то что-то будет расследовать. Если полиция отстреливает психов на улице – тут не до расследований.

Кроме обычного нашего меню мы закупились мясными и рыбными консервами, взяли мяса, сколько в морозилку влезет, макароны взяли, крупы, сгущенки много. Всякие полезные мелочи – средства гигиены, пакеты, упаковочную пленку, шампуни. Сахар еще запасли, чай-кофе. И муку. Вика

печет редко, но оладьи или омлет сделать способна.

– У соседей хлебопечка есть, – вспомнила в последний момент подруга.

И принесла со стеллажа еще три пакета муки.

Зачем нам столько продуктов? Не знаю. Но пусть лучше будут. Дело даже не в том, что муки не хватит, а в панике. Народ бросится разгребать всё, и это всё исчезнет на какое-то время с прилавков. Потом появится, но сильно дороже. В общем, пусть будет. Если панику не предотвратить, ее лучше возглавить. Моя девочка не должна сидеть голодной.

Вернувшись, мы долго таскали продукты от машины в квартиру. По лестнице. На шестой этаж.

* * *

От перетаскивания продуктов мы устали и взопрели. Так что вместо поиска информации в сети о том, что происходит, ввалились в душ. Вдвоем.

Результат был предсказуем. Вышли мы оттуда нескоро, зато чистые и удовлетворенные. Началось все невинно – с мытья друг друга. Потом мытье перешло в ласки с пеной, потом я стал целовать чистую влажную нежную кожу... а потом Вика уперлась руками в стенку, а я пристроился к ней сзади. Это еще хорошо, что нам ванну лень было наполнять, иначе мы там бы и уснули. А так – уснули на кровати.

– Что, опять? – проснулся я от прикосновения губ к члену.

– Угу.

– Нет. Сейчас у нас будут ролевые игры.

– Да? – заинтересовалась.

– Надевай чулки и фартук и иди на кухню, готовь обед.

– Гад ты.

– Голодный я.

Пока Вика готовила, я пошарил в сети. Много видео с безумцами. Немолодые женщины, которые раздеваются на улице или пристают к прохожим. Мужчины, которые читают проповеди. Люди, которые ведут себя явно неадекватно – застывают в странных позах, совершают одни и те же ритмичные движения, уходят в себя. Драки. Трупы. Мнения врачей.

В мнения этих я попытался разобраться. Похоже, пока шла первая волна комментариев, от тех, кто ничего толком не знает, но хочет словить популярность. Один такой «медик» под конец видео с красным от ярости лицом кричал, брызгая слюной, что настает конец света.

В этом ворохе мусора я нашел кое-что здоровое.

* * *

– Есть иди, – крикнула подруга с кухни.

На обед (или это уже ужин?) были отбивные с макаронами. Вика даже какую-то подливку сделала, вкусную. Когда накладывала, я не удержался, погладил ладонью по ее голому задку. Приятно. Такая гладкая шелковистая кожа. Почему раньше мы так не делали?

– Что нашел в сети? – мы устроились перед тарелками.

– Один блогер попытался собрать проверенную информацию и обобщить ее. И со специалистами проконсультировал-

ся. В общем, всё серьезно. Идет эпидемия безумия. По всему миру. Власти пока ничего не говорят толком. Люди заболевают, температура, головная боль, потом – сумасшествие. По признакам похоже на паранойю, при этом много больных с агрессивным поведением.

– Это что же? Мы тоже?

Я только плечами пожал. И продолжил:

– Говорят о пандемии. У разных людей психические отклонения по силе разные. Кто-то ведет себя нормально, кто-то заикливается на одной идее, а кто-то вообще теряет связь с реальностью. В самых тяжелых случаях – нарушение способности говорить и двигаться, галлюцинации.

Вика молчала. Переваривала информацию.

– У разных больных направленность их сумасшествия разная. Часто встречается бред ревности, у немолодых женщин – фантазии на тему изнасилования или того, что их все хотят, у мужчин чаще мания величия или какие-то сверхценные идеи. Например, один «гений» выложил ролик, где на полном серьезе говорил, что при ловле устриц нужно использовать звездный свет, а если поймать единорога и применить шерсть с кончика его хвоста, то вообще небывалый улов начнется, – я вспомнил ролик и улыбнулся. – Ну и много таких, кто считает, что за ними охотятся, управляют их телами, поселяют личинок им в голову или живот, отдают приказы прямо в мозг... в общем – полный набор бреда.

– И что же теперь? Карантин введут?

Я задумался. До сих пор я просто искал информацию, не пытаюсь ее осмыслить. А теперь вот задумался. Я, конечно, не ученый. И не знаток политики или экономики. Фильмы о всяких апокалипсисах смотрел. Об эпидемиях читал. О войнах.

– Карантин вводить поздно. Зараза уже разошлась. Если введут – только ради того, чтобы людей изолировать друг от друга. Вроде как если они меньше будут сталкиваться, то и поводов для агрессии меньше.

– Так если людей в квартирах запереть, у них совсем крыша поедет, даже у здоровых. Они друг друга в семьях начнут убивать.

– Это ты так считаешь. А чиновники решат по-другому. Если всё дерьмо держать запертым в квартирах, его меньше видно будет, а для них главное – видимость.

Вика нахмурилась, но возражений не нашла.

– Я другого боюсь. Что, как во всяких зомби-апокалипсисах, те структуры, которые должны поддерживать порядок и обеспечивать жизнь, станут центрами распространения заразы. Представь – в армейской части начнется эпидемия паранойи. Если солдатам оружие выдадут – они тут же начнут стрелять друг в друга и в командиров. А потом разбегутся и откроют охоту на окружающих.

– Что же делать?

– Надо завтра опять в магазин ехать, мы неправильно закупились. То есть закупились правильно, но не всё, что нуж-

но.

– Что ты имеешь ввиду?

– Если всё рухнет, то отключат электричество. Энергосистема рухнет из-за какой-нибудь аварии, и восстановить ее будет невозможно. Совсем. Отключатся холодильники. Скоропортящиеся продукты протухнут. В многоэтажках отключится вода. Нет воды – нет смыва в туалетах. И связь исчезнет – даже если провайдеры будут работать, телефоны и планшеты разрядятся, заряжать будет негде. Это только первые проблемы. Осенью не включится отопление. Трубы замерзнут и полопаются. Многоэтажки станут непригодными для жизни. Газ рано или поздно тоже в трубах исчезнет.

– Черт!

– Если пойдет по плохому сценарию, придется уезжать. У моих родителей есть дом в деревне – туда можно. Там есть колодец, печка, выжить можно. Но это чуть позже, пока есть электричество, можно не торопиться. Только воды питьевой надо набрать или купить побольше. И консервов, сколько увезем. И бензина.

– Может сразу ехать?

– Надо к отъезду подготовиться. Купить всё, что потребуется, надолго. Если получится – оружие достать какое-то.

* * *

После позднего обеда я понял, что у меня повышается температура.

– Ну что, в магазин поедem или секс?

– Ни то и ни другое, – я пощупал лоб подруги. Он оказался горячим. – Меряем температуру, колемся жаропонижающим, и в постельный режим.

Вика улыбнулась и подняла брови при слове «постельный», но я был настроен серьезно. Я должен позаботиться о моей девочке, а позаботиться – это не только про секс. Сейчас вот – температуру сбить надо.

У меня температура дошла до тридцати восьми. Чувствовал себя я сносно, так что себе колоть жаропонижающее не стал. А Вике вколол – у нее тридцать девять с половиной на градуснике было.

Мы устроились в кровати, прижались, пригрелись и заснули, как два хомячка в уютном гнездышке.

3. Первые ростки хаоса

Легли рано, выпались, проснулись на рассвете. Опять меня разбудило прикосновение губ к моему члену. Это начало мне нравится.

Когда Вика убедилась, что член стоек и упруг, хотела поднять голову, но я попросил продолжать. Даже ладонью слегка прижал, чтобы поглубже. Она послушалась. Это было здорово.

Когда после окончания она подняла голову, я испугался – увидел слезы на ее щеках.

– Ты плачешь?

– Нормально всё, не волнуйся, – шмыгнула она носом. – Они сами льются.

– Ты не обиделась?

– Я же говорила – сделаю, всё, что захочешь.

В моих мыслях тут же проскочило несколько желаний, которые хотелось бы попробовать. Но не прямо сейчас.

Вика отправилась в ванную, а я остался.

Задумался. Поймал себя на том, что мне понравилось ощущение власти над девушкой. Вроде даже есть у этой власти какое-то обоснование: раз я о ней забочусь, значит, она мне принадлежит, а раз принадлежит – значит я могу делать с ней, что захочу.

За завтраком заговорил об этом.

– Мне нравится тебе принадлежать, – улыбнулась подруга. – И мне нравится, когда ты что-то со мной делаешь.

– Проблема в том, что принадлежность проявляется не тогда, когда я делаю то, что тебе приятно. А тогда, когда ты соглашаешься на то, что неприятно тебе, соглашаешься, потому что я этого хочу.

– Я готова попробовать, – улыбнулась девушка. – Я тебе доверяю, ты не сделаешь мне ничего по-настоящему плохого.

Я опять задумался. О доверии. Если малышка настолько мне доверяет, что отдает мне себя, значит ответственность за все, что случится, лежит тоже на мне. Мне придется всегда держать себя под контролем. Получается, Вика отдает мне власть над собой, но у этой власти есть другая сторона – ответственность.

В наших постельных играх можно зайти слишком далеко и сделать что-то непоправимое. По глупости, или если увлечься. Я могу навредить девушке. Речь не только о каких-то травмах, физических или психических. Есть еще и неожиданные беременности, болезни, проблемы, связанные с потерей репутации... да мало ли. Секс – штука небезопасная.

Где-то в глубине души мне даже хочется попробовать немножко ей навредить, потому что самое сильное проявление власти – возможность разрушить то, что тебе принадлежит.

Но нам потом жить с последствиями, и не только объективными. Если я не оправдаю доверия Вики, я его потеряю. А без доверия в отношениях всё сведется к заурядному «ты мне – я тебе». Раньше я другого не представлял, а теперь вот хочется большего.

– Мыслитель, если прямо сейчас трахнуть меня не хочешь, идем обыщем квартиру соседей, пока еще рано и другие жильцы дома не проснулись.

Я кивнул, допивая кофе.

* * *

Вика быстро увлеклась. У нее включился инстинкт гнездования, и вместо того, чтобы искать вещи, важные в условиях выживания в условиях катастрофы, она стала инспектировать трофейную квартиру с точки зрения тех плюсов, которые могут улучшить наш быт. Она обшарила кухню, проверила содержимое холодильника, порадовалась большому телевизору, к которому был подключен ноутбук с выходом в сеть. Проверила шкафы с одеждой, повалялась на диванах и кровати, полила цветы.

Я нашел заначку наличных и валюты в письменном столе. Потом догадался поискать сумочку хозяйки, там обнаружился кошелек с деньгами и банковскими картами. Записанных на бумажке пин-кодов покойница не оставила, но расплатиться в магазине за мелкие покупки ими можно.

Я искал какое-нибудь оружие. Думал – такие немолодые мужики, едущие на внедорожниках, нередко начинают

интересоваться охотой, покупают травмы, коллекционируют кинжалы и делают прочие вещи, которые демонстрируют их мужественность. Не нашел. Только бейсбольную битую, забытую в дальнем углу шкафа.

Единственным, что можно считать оружием, оказался нож с удобной рукояткой, с выемками под пальцы. У него было толстенькое лезвие с односторонней заточкой и острым концом. Я тут же сунул его Вике, а наш кухонный нож заставил выложить из кармана – чтобы пальцы себе не порезала, если придется колоть кого-то.

Когда я закончил осмотр квартиры, Вика позвала в спальню. Она там уже поменяла постель и, стоя рядом с широкой кроватью, неторопливо расстегивала пуговицы блузки.

– Смотри, что я нашла, – двумя пальцами она подняла вибратор.

Солидный такой, видно, что недешевый. В открытом ящике прикроватной тумбочки лежали презервативы.

– Серьезно?

– Да. Мне хочется. Это всё равно, что закрепить за собой это место, признать его своим.

После утреннего минета я был спокоен. Но если любимой девушке это надо...

Я уложил Вику на спину посередине кровати. Завязал ей глаза. Привязал руки к спинке. Потом долго ласкал и целовал всё ее тело. Оно подавалось навстречу моим губам, она хотела закончить, но я не давал. А потом я надел на вибратор

резинку и использовал его.

Вика застонала, сжала ноги, потом расслабилась.

У меня возникла мысль дать ей отдохнуть и продолжить, но нельзя же протрахаться весь конец света? Надо и о делах позаботиться. Нужно было ехать в магазин, пока там хоть что-то осталось.

* * *

В гипермаркет я решил ехать на внедорожнике соседа. Странное решение? Возможно, но в этом безумном мире я был не самым большим безумцем.

Вчера я такого не замечал, а сегодня психи бросались в глаза. Старик застыл неподвижно на скамейке. Пробежала суетливо озирающаяся женщина, прижимающая к себе то ли младенца, то ли куклу. Повороты ее головы резкие, как у испуганной птицы. Извалившийся в грязи парень бредет куда-то со стеклянным взглядом.

Если знать, на что обращать внимание – безумца отличить от относительно нормального человека можно легко.

Мы доехали до гипермаркета. Машин на его парковке было много.

Сначала мы зашли в строительный магазин. Он почти пустовал. Даже консультанты, обычно активно отлавливающие у своих полок потенциальных покупателей, почти отсутствовали, и касса работала только одна.

Я купил пластиковую бочку на двести литров. Можно покупать питьевую воду, а можно просто наполнить бочку во-

дой из-под крана, пока она в нем есть. Еще купил десяток канистр для бензина.

Задумался ненадолго, не приобрести ли что-то из туристического набора, вдруг придется ночевать на природе. Эту тему пока отложил. Если придется – никуда рюкзаки и палатки не денутся, можно будет их позже найти, и даже бесплатно. Вряд ли они реально кому-то понадобятся. Даже самые большие фанаты выживания в природе предпочтут поселиться в брошенном доме, а не кормить комаров в лесу.

Бочка вошла в багажник внедорожника, когда я сложил задние сиденья. Сбоку от нее осталось место для других покупок. Ради большого багажника я машину покойника и брал.

* * *

После строительного мы пошли в продуктовый. Там толпились взвинченные люди. Некоторые полки уже опустели. Вермишели тонкой не осталось, некоторых круп. Мы прихватили упаковку питьевой воды в двухлитровых бутылках. Добавили пару пятилитровок – они удобны как емкости, может, пригодятся. Прошлись по списку, который составили заранее. Что-то купили, что-то отсутствовало.

Около стеллажей с крупами началась драка. Две мясистые тетki таскали друг друга за волосы. Там грузчики недавно выкатили поддон с новой порцией товара, на всех не хватило, дошло до рукоприкладства. Покупательницы так увлеклись, что позабыли и о покупках, и о своих полных тележ-

ках. На шум прибежал наряд полиции. Не охрана магазина, а полицейские с оружием. Видно, о том, что день будет непростым, власти знали.

Полицейский выстрелил в потолок. Как ни странно, дерущиеся тетki расцепились и оказались вполне вменяемыми. Только что они пытались вырвать друг другу волосы или задушить, а теперь – стоят смущенные, волосы и разорванную одежду поправляют.

* * *

Мы стояли недалеко от места драки, ждали, пока пройдет освободится, и мы сможем проехать к кассе. Могли бы обойти, но смысла не видели – толпа уже рассасывалась.

На нас обратил внимание один из полицейских.

Вика вдвое моложе и в полтора раза стройнее среднестатистической покупательницы, у нее голубые глаза и светлые волосы. И очень милое лицо.

– Смотри, какая телка! – толкнул полицейский напарника.

– Она на нас пялится.

– Точно! Мы ей понравились. Она нас хочет. Ты кого больше хочешь, меня или его? – полицейские подошли к нам.

– Отстаньте, – испугалась Вика.

Я шагнул вперед, прикрывая ее. Парочка полицейских меня взбесила, но сила был на их стороне.

Парень с пистолетом направил его на меня:

– Не дергайся!

– А может она пялится не потому, что мы ей нравимся, а

потому, что они шпионы? – предположил второй.

– Да не, она нас хочет. Спорим, если мы ее отведем в подсобку, она нам даст?

– А если не даст – значит, они шпионы, – логично заключил второй.

– А ну пошли вперед! – парень с пистолетом вжал его мне под челюсть и схватил за плечо, разворачивая в сторону дальних стеллажей, куда почти никто не заходит.

Второй схватил Вику и потащил ее туда же.

– Пустите! – кричала она и безуспешно вырывалась.

Покупатели, бродящие по рядам не так уж далеко, делали вид, что ничего не происходит. И правда, что такого? Полицейские кого-то задержали. Преступников, наверное. На то они и полицейские.

В глухом углу, где хранились не распакованные коробки с запасами неликвидов, полицейские остановились. Вокруг – никого.

Я был взбешен. Но понимал – у них оружие. Приходилось сдерживать себя, и от этого напряжения даже руки тряслись.

– Что, паренек, зассал? – полицейский заметил дрожание моих рук и трактовал его по-своему. – Не бойся. Сейчас мы по разу отдерем твою телку и отпустим. Ты ж видел – она сама хочет.

Парень обхватил меня рукой за плечи, чтобы я не вырвался, направил пистолет на мою шею и жадно уставился на напарника. Тот, не обращая внимания на укороченный авто-

мат, болтающийся на ремне, за шею прижал мою малышку к стеллажу и начал расстегивать ее рубашку.

Вика бросила на меня безумный взгляд. Я кивком указал на набедренный карман, где лежал нож. Поняла. Ее глаза расширились.

«Мой» полицейский увлекся. Он думал, что контролирует меня, и всё свое внимание направил на Вику и напарника.

Никто не знает заранее, как будет действовать в такие моменты. И я не знал, пока в сознании не всплыла картинка из детства.

Во втором классе отец записал меня заниматься дзюдо. Я честно занимался два года, потом бросил. Казалось бы, это было давно и давно забылось. Но то, что в нас вложено в детстве, на самом деле никуда не исчезает. Оно скрывается под наслоениями будущего, но остается фундаментом личности. И вот сейчас во мне вдруг проснулись рефлексy, наработанные многочисленными повторами бросков. Нет лучшего подарка дзюдоисту, чем попытка его удерживать в близком контакте...

Рука Вики нырнула в карман.

Моя правая рука легла на запястье полицейского, уводя пистолет чуть вниз. Резко сгибаюсь в поясе, левая рука идет вниз, цепляет ногу противника, и его тело уже лежит на моих плечах. Он еще не понял, что происходит, а я уже разогнулся и толкнул его ноги вверх, роняя верхнюю часть его тела. Этот прием называют «мельница». Очень жесткий бро-

сок. Наверное, самый жесткий из всех. Полицейский летит по высокой дуге и с высоты человеческого роста всем телом шмякается на бетонный пол.

Краем глаза я вижу, как Вика бьет ножом «своего» полицейского. Под бронежилет, в живот, а потом в шею. Он заваливается в сторону, из шеи хлещет кровь.

Пистолет улетел в сторону. «Мой» почти в нокауте, но еще шевелится. Я наотмашь бью его ногой по голове.

Мы с малышкой смотрим друг на друга. Потом обнимаемся. Вика всхлипывает.

– Всё, уже всё, – успокаиваю я.

Мы расцепляемся. Я проверяю тела. Мертвы оба. Заглядываю в ближайшие проходы. Никто к нам не идет. Люди занимаются покупками вдалеке, увлеченно расхватывают, что успеют.

Я забираю у полицейских оружие и запасные обоймы. Бросаю в пакет, приготовленный для покупок. В магазине автоматы и пистолеты не продаются, так что у кассира претензий ко мне быть не может. Нож вытираю и возвращаю Вике.

Мы уже почти ушли, когда зашипела рация.

«Рации – полезная штука!» – вспомнил я. Как их использовать, я еще не знал, но во всех боевиках герои обвешивались не только оружием, но и связью. Так что рации мы тоже отцепили и забрали.

* * *

Наши тележки стояли нетронутыми. Все сражались за рис и гречку, наша вода, сахар и консервы никого еще не интересовали. Мы были на шаг впереди основной массы покупателей.

Было странно стоять в очереди к кассе среди людей, которые пытаются жить, как раньше, как будто ничего не случилось. Выбирать покупки, сравнивать цены, подсчитывать деньги. Они не хотели понимать, что скоро деньги потеряют ценность, что в любой момент стоящий рядом человек может на них накинуться, потому что у него переклинило мозги, что те, кто обязан следить за порядком, сами заражены безумием.

На кассе никто не проверял нашу сумку с трофеями. Мы просто расплатились за покупки карточками погибших соседей и ушли.

На обратной дороге мы заехали на заправку, я залил бак и наполнил все канистры. Половину дизелем, для внедорожника, половину – бензином, для моей машины. Никакого ажиотажа еще не было, мы и тут оказались на шаг впереди толпы.

* * *

Когда мы перетаскали все покупки домой, напряжение ушло.

– Что же теперь будет? – вздохнула Вика.

Я пожал плечами.

– Думаю, ничего. Зато теперь у нас есть оружие.

– Думаешь, оно понадобится?

– Уверен. Дело даже не в том, что закона больше нет, и у нас могут попытаться отобрать что-то ценное. Ты очень красивая, многие психи, даже почти нормальные во всем остальном, будут пытаться тебя захватить. Как эти полицейские.

Потом добавил:

– Да и нормальные люди – тоже. Когда нет закона, красивая девушка сама по себе становится большой ценностью.

– Кошмар. Как такое вообще возможно?

– Давай поищем информацию в сети? Эта информация может спасти нам жизни. И знаешь... в следующий раз, как будем выходить наружу, одень что-то мешковатое, и лицо как-то прикрой, и волосы.

Я критически глянул на подругу и вздохнул:

– Хотя это почти бесполезно. Всё равно будет видно, какая ты красивая.

Вика заулыбалась во все щеки.

* * *

До обеда мы узнали много нового.

Два крупных блогера, которые раньше специализировались на военных конфликтах, переключились на эпидемию.

Один просто гнал ленту с более-менее достоверными фактами. Много видео с атаками безумцев, поток новостей и высказываний каких-то малоизвестных экспертов.

Второй пытался проверять информацию, фильтровал ее и

выдавал в виде аналитических обзоров. Кроме своей аналитики он указывал и ссылки на самые важные сообщения в других источниках.

Что стало известно к настоящему моменту?

Власти молчат. Полиция и медики работают в режиме чрезвычайного положения. Армия ждет приказов в казармах.

Болезнь развивается. Как – неизвестно, слишком мало времени прошло, процесс не закончен, да и профессионально собранных данных почти нет.

Возбудитель – вирус. Легко передается по воздуху. Заражение в России началось в городах-миллионниках, одновременно во всех. Так же – в Китае, континентальной Европе, Южной Америке. Есть единичные источники заражения в Северной Корее и Иране. Другие страны немного отстают, там вирус распространяется естественными путями. Но отгородиться карантином им не удастся, уже поздно.

Тяжесть болезни и форма ее проявления зависят от человека. В том числе – от его психологического состояния на момент заражения. Если по-простому – тот, кто постоянно думал о власти, станет наслаждаться манией величия, кому не доставало секса – потянет на эротоманию или насилие, ну и так далее. Много людей, те, кем управляли страхи, придут к различным формам мании преследования.

* * *

Мы читали с Викой вместе, лежа в кровати и почти не

отвлекаясь на легкие ласки.

– Погоди, – наморщила она лоб. – Получается, мы тоже больны?

– Похоже. Ты же не думаешь, что мы избранные, отлича-
емся от всего человечества и не заразились?

– И мы не отвечаем за то, что труп спрятали, и что тетку
двинули по башке табуретом, и даже что полицейских убили.

– Ну, да.

– Это хорошо. Но получается, мы безумцы. И это плохо.

– Остальные люди – тоже безумцы, и это еще хуже.

– Жуть.

Мы помолчали.

– А почему мы не считаем себя безумцами?

– Безумцы и не должны считать себя безумцами. Для них
их действия логичны и обоснованы.

Опять помолчали.

– А в какой форме мы тогда больны? Для нас главны-
ми эмоциями были те, что связаны с нашими отношениями,
ведь так?

– Давай вспоминать, что изменилось в нас в эти дни. Ка-
кие изменения ты заметила во мне?

Вика задумалась всерьез. Ответила:

– Знаешь, я не думаю, что ты раньше способен был бы
расчленить труп. Или драться с вооруженной полицией. И
ты не говорил раньше, что будешь заботиться обо мне, что я
самое дорогое для тебя, что ты хочешь обладать мной.

Я пробежал глазами по списку с вариантами различных маний.

– Получается, забота о тебе – моя навязчивая идея? – Я сомневался. – С психиатром бы поговорить...

– Если у тебя такое сумасшествие, то оно для меня не опасно, – обрадовалась Вика.

– Как сказать. Вдруг оно станет прогрессировать, и я решу, что лучший способ уберечь тебя от опасностей – запечатать в погреб?

Вика округлила глаза. Но потом отмахнулась и спросила:

– А я? Что во мне изменилось?

– Началось все с приступа ревности. Еще ты стала больше хотеть секса. Тебе нравится постоянно провоцировать меня на секс.

– Значит, я нимфоманка? – ахнула девушка.

– Тебе хочется только со мной, или с другими тоже?

– Только с тобой.

– Значит, я твоя навязчивая идея. Мой интерес к тебе. И пока я готов трахать тебя, ты для меня не опасна. И вообще не опасна. Такая мания даже добавила нам удовольствия.

Вика улыбнулась.

Похоже, пока она удовлетворена, ее можно считать здоровой. И меня можно считать здоровым, пока никто не угрожает моей девочке.

Повезло нам.

* * *

За обедом разговор продолжился. Вика почти не строила мне глазки, а я почти не отвлекался, чтобы погладить ее по оказавшимся в зоне досягаемости частям тела.

— У нас уникальное положение — наши безумия так совпали, что мы можем существовать вместе, — высказал я мысль, которая заскочила ко мне в мозг. — Остальные люди, почти все, оказались одиночками, способными в лучшем случае сосуществовать на расстоянии, а мы нужны друг другу.

— Это и пугает. Каждый из нас стал для другого затычкой, которая сдерживает его безумие. Если ты погибнешь — кем стану я? Сорву с себя одежду и стану приставать на улицах к мужчинам? Начну искать другую любовь, убивая всех, кто не является тобой? Уйду в себя и умру от безысходности?

Я обдумал новую сторону нашего сосуществования. Думал отвлеченно, как о теоретической задаче. Это позволяло избежать нелогичной логики безумия. Вот есть два человека, и мужчина в этой паре считает свою женщину своим главным достоянием. Что изменится, если ее забрать? Наконец сформулировал:

— Если я потеряю тебя, я стану агрессивным. На кого выльется эта агрессия — не понимаю, но я начну дергаться изо всех сил, чтобы вырваться из боли, и это разрушит меня и всё мое окружение.

— Песец! — подвела итог Вика.

* * *

Я услышал, как малышка ругается по телефону с матерью.

Позвонила, чтобы проверить, как дела, рассказать, что мы узнали – и вот. Орут друг на друга.

После разговора встрепанная Вика вернулась ко мне на кухню.

– Это кошмар! Стала выносить мне на мозг, что я не так живу, и парень у меня не тот, и сама я не такая.

Я обнял ее рукой за бедра, прижал слегка к себе.

– Она больна?

– Похоже. Раньше она держала всё это в себе, а тут вдруг вывалила на меня.

– Какая у нее форма безумия?

Я понял важную вещь – умение быстро определить форму безумия у человека станет для нас жизненно важным. Все люди стали опасными, но от формы безумия зависит, что именно может спустить крючок и вызвать вспышку агрессии.

Вика задумалась. Успокоилась.

– Знаешь, она говорила, что у нее теперь новая жизнь начинается. Она и раньше монашкой не была, так что думаю, что-то связанное с эротоманией.

Мне было неприятно представить потенциальную тещу голой на улице, с топором, пристающей к мужчинам, но определенно она находилась в группе риска. Справедливости ради надо заметить, теща в голом виде даже с топором выглядела бы не так уж и плохо. По типуажу она на Вику похожа, стройная и светловолосая.

– Хочешь попытаться забрать ее к нам? – уточнил я, еще

не представляя, как это можно было бы реализовать.

— Вряд ли. Она четко сказала, что я мешаю ее личной жизни. Если даже мы ее уговорим, она станет видеть в нас помеху и превратит нашу жизнь в ад. Поверь, она и здоровой это умела.

Вздохнула.

Вика была тесно связана с матерью. Часто перезванивались, регулярно встречались. Такие вот у них были отношения — тесные, но болезненные. Потому и болезненные, что тесные. А теперь придется их рвать, жить вместе они не смогут.

* * *

Я нехотя взял свой телефон. Надо было и мне позвонить родителям.

С этим у меня было сложно. Мы редко общались с тех пор, как я уехал из их дома, я звонил не чаще раза в месяц, они и вовсе не звонили. И общаться нам было сложно — я не мог найти тему для разговора, общих интересов не было, такие разговоры меня тяготили.

Мои родители не были хорошими людьми, но сделали много хорошего. Это рвало мое отношение к ним на две половинки, которые сложно состыковать. Я был должен им, и мне было больно с ними.

В детстве мне не хватало тепла. Родители никогда не говорили, что любят меня. Не баловали. Относились ко мне примерно так, как малыш относится к большому пластмас-

совому экскаватору, когда идет к песочнице и тащит его за собой на веревке. Малыш гордится большой яркой игрушкой. Он рад, что она есть. Но его не волнует, что чувствует этот экскаватор. А игрушке плохо. Веревка постоянно ограничивает ее свободу. Грубые рывки причиняют боль. Иногда она наезжает колесами на вздыбившуюся тротуарную плитку и падает на бок, обдирая бока, потому что малыш не сразу это замечает и тащит ее за собой.

Чтобы оградить себя от этого, я построил вокруг себя стену. Постоянно доказывал себе и окружающим, что я самостоятельный, что лучше их знаю, как мне жить, что добьюсь большего успеха. Наверное, потому и бросил всё, уехал строить собственную жизнь, как бы это ни оказалось сложно и тяжело. Ключ от дверцы в этой стене между мной и другими людьми получила только Вика.

Я набрал номер матери.

Поговорили неловкими фразами.

Мать уехала в деревенский дом. Она боится, причем в первую очередь – отца. Тот стал пить. Он и раньше делал это регулярно, но держался в разумных пределах. Теперь пределы сильно раздвинулись. Сначала у него началась белая горячка, кричал, что кто-то смотрит на него из стен. Потом он нацепил себе на голову шапочку из фольги, чтобы защититься от голосов, которые присылают команды ему в мозг. Мать собрала свои вещи и уехала. В одиночестве ей легче. Если не видеть людей, то не так страшно.

– Мне приехать к тебе?

– Не надо. Мне хорошо тут одной. Спокойно.

Отцу дозвониться не удалось. Абонент не абонент.

Пересказал разговор Вике. Помолчали.

Когда молчание затянулось, она подошла ко мне вплотную, задрала футболку и сунула мне под нос свою грудь, а мои ладони расположила на своих ягодицах. Оказалось – это отлично отвлекает от печалей.

* * *

– Идем в постель, – предложила Вика. – Вечером опять температура повысится, станет не до того...

Всё-таки она у меня удивительно умная и практичная. И понимает, что в этой жизни по-настоящему важно.

– Как ты хочешь мной овладеть? Хочешь чего-то необычного?

– Мне понравилось утром. Я привяжу тебя к кровати.

Мне пришла интересная идея. В сексе мне хочется получать явные подтверждения того, что Вика принадлежит мне. Как я могу продемонстрировать себе и ей, что владею своей малышкой?

Могу вести себя жестко. Причинить ей боль. Трахнуть в зад или в горло. Заставить делать что-то, что ей неудобно. Даже унижить, может быть.

Или... я могу подчинять ее удовольствием. Ласкать ее и видеть, как ее тело поддается моим ласкам, просит продолжения, а потом бьется в спазмах.

В обоих случаях я буду видеть подтверждение своей власти над малышкой. Но первый путь может завести нас в пропасть, а второй... второй тоже куда-то приведет, но куда – я не знаю. Может, мы упадем в небо.

Я завязал Вике глаза, привязал ее руки к изголовью и долго ласкал.

Я изучал ее тело. Учился поддерживать ее возбуждение, но не доводить его до конца, пока я не решу, что пора. Завтра я, может быть, заставлю ее испытать много оргазмов подряд и посмотрю, что из этого получится. Но это будет завтра. А сейчас – я целовал ее, пока не слышал трогательные постанывания, потом останавливался, переходил к другим ласкам, и опять целовал. А потом, когда она уже хныкала от желания, лег на нее сверху, вошел в нее и отодрал сильными резкими движениями.

Мы заснули, удовлетворенные и спокойные.

Конец света мы чуть не проспали.

4. Ночь всех ракет и утро судного дня

Уничтожение – наивысшая и последняя степень обладания. Человечество овладело планетой, уничтожило сотни видов животных и превратило в поля, пустыни и свалки огромные территории. Государства завладели народами и посылали их на смерть в войнах и от голода. Кучка миллиардеров подчинила себе государства и... тоже не сдержалась.

Они считали себя небожителями. Они думали, что это интересная игра под названием «борьба за власть». Миллиарды людей и даже целые страны в этой игре – просто фигуры.

Люди, воспитанные с золотой ложкой во рту, привыкли, что всё в мире определяется договоренностями. У каждой договоренности есть границы ее действия и возможность выйти за ее пределы, к более широкой договоренности. Закон? Договоренность, которая обязательна только для быдла. Международные договоры? Это правила, написанные для слабых. Война? Процесс установления новых договоренностей между крупными игроками.

Самоуверенные аристократы и миллиардеры не знали, что когда речь идет о выживании, правила меняются. Что сам принцип двухсторонних сделок отменяется. Никто не зовет адвоката, когда убийца подносит нож к горлу его ребенка.

* * *

Той ночью температура у нас повысилась умеренно, колоться жаропонижающим не потребовалось. Мы с Викой прижались друг к другу и мирно заснули. А проснулись от звуков грозы.

Эта гроза показалась мне странной. Не было длинных раскатов грома. И вспышки света не такие яркие, как должны. Были короткие гулкие удары, а еще часто звучал продолжительный шипящий треск. Я подошел к окну.

Скоро на севере, над горизонтом, засветилась яркая звезда. Потом еще одна. Эти звезды погасли. На смену им вдали появился огонек, который тяжело пополз вверх, постепенно ускоряясь. Вверх, а потом по дуге свернул на север. Это он издавал шипение-треск. И еще один такой же огонек вылетел вслед за первым. В лучах очередной вспышки стали видны широкие дымные следы.

– Что это? – Вика встала рядом, кутаясь в одеяло.

– Ракеты. Я видел такие на видео с войны. Кажется, ракеты ПВО.

– Это что же – война?

Тут же мы получили ответ. Вдалеке поднялся огненный гриб. Может, конечно, это склады топлива рванули, но было один-в-один похоже на ядерный взрыв.

– О черт!!

– Уходим с балкона, сейчас ударная волна придет!

– И что?

– И стекла на балконе побьет, нас осколками ранит.

Мы спрятались внутрь комнаты. Я подглядывал из-за края проема наружу. Проход ударной волны я увидел по качнувшимся кронам деревьев. Спрятался за стену.

Глухо ударило в окна. Сверху посыпались осколки. Потом мы посмотрели – вынесло остекление балконов на двух верхних этажах. Пластиковые окна комнат устояли. Взрыв был далеко.

Мы вышли обратно на балкон. Разумнее было спрятаться, но смотреть было не так страшно.

Еще несколько раз вдалеке взлетали парами крупные ракеты. Потом начали отрабатывать более мелкие – они вылетали целыми веерами, по несколько штук сразу. Скоро всё затихло.

Мы приготовили себе кофе и полезли в сеть. Как ни странно, связь работала. И телефоны, и проводная сеть. И электричество не исчезло.

Потом были еще две волны ракетных ударов. Ярких звезд на севере я больше не видел, но ПВО работало с полной нагрузкой. Большие ракеты парами, потом мелкие веерами. При их срабатывании в небе расцветала небольшая вспышка. Иногда доносился глухой удар взрыва. Изредка появлялись вспышки на земле, это какая-то ракета попадала в цель. Большинство ракет были не ядерными. Ядерный гриб я тоже видел еще раз, но очень далеко.

После второй волны ракет на несколько часов исчезла

проводная сеть. Потом восстановилась.

Мы до утра копались в сообщениях, пытаюсь понять, что происходит. Информация шла сплошным потоком.

* * *

Началось всё с обращения президента, которое мы благополучно проспали.

Он был печален и собран. Это обращение было единственным, в котором он говорил простым понятным языком, без всех этих многословных округлых конструкций, которые потом неделями разбирают всяческие аналитики, пытаюсь понять, что же он сказал на самом деле.

Если упростить сообщение до предела, президент заявил, что эпидемия, вызывающая психические отклонения, вызвана искусственно, это достоверный факт. Это – биологическая война.

До сих пор биологическое оружие применялось в экономических целях. Сначала – болезни птицы и скота, потом – короновирусная пандемия, ставшая генеральной репетицией смертельного удара. Теперь последняя линия пройдена, начата война на уничтожение значительной части человечества и большинства государств.

Кто виноват в нападении – известно. Это политические круги Великобритании и часть государственного аппарата США.

Есть основания считать, что у тех, кто устроил нападение, имеется вакцина. Если эта вакцина и данные исследований

не будут переданы России – будет объявлена война США.

Также Россия требует выдачи для международного суда всех виновных в нападении и доказательств их действий.

В подтверждение серьезности намерений объявляется война Великобритании.

Россия, в соответствии со своей военной доктриной, наносит по ней превентивный ядерный удар. В этот удар входит подводный подрыв нескольких автономных термоядерных торпед, которые направленной волной смют всё, что находится на территории Англии и в прибрежных районах Шотландии, Ирландии и Уэльса. Также от побочных волн пострадают Нидерланды, Дания, северные районы Франции, Бельгии, Германии. Приносим свои извинения.

Кроме этого Россия наносит удары возмездия по местам, где пытаются спрятаться инициаторы нападения, а также по зарубежным биологическим лабораториям США.

«Я верю, что Бог покарает убийц. Но сейчас ему нужна наша помощь, чтобы встретиться с ними быстрее», – закончил он выступление.

* * *

Вскоре после обращения в сети появился доклад медиков. В принципе, ничего нового они не сказали. Болезнь начинается с высокой температуры. Если не лечить – человек умирает. Если температуру сбивать до нормы – болезнь затягивается, высокий риск тяжелых последствий для психики. Мы с Викой прошли посередине – температуру сбивали толь-

ко когда она совсем зашкаливала. В результате у нас сформировался иммунитет и есть надежда, что психические последствия будут небольшими. Хотя всё равно будут. Как станет развиваться болезнь дальше – неизвестно, есть надежда, что выжившие, не получившие сильных повреждений мозга, восстановятся, в будущем могут быть периодические рецидивы.

* * *

После медиков на главных телеканалах показали два занимательных документальных фильма.

В первом – вид из космоса на красивый тропический остров с высокими обрывистыми скалами.

Голос за кадром объясняет, что на вот этот вот остров две недели назад началась массовая миграция американских политиков и членов правительства. На отдых. Вместе с семьями, друзьями, любовницами, слугами и любимыми собачками. Так как в совпадения мы не верим, а доказательства для суда нам тоже без надобности, все эти туристы признаны соучастниками и приговорены к смерти.

Рядом с островком вспухает громадный, выше скал, горб воды, который заливает все побережье, вместе с красивыми пляжами и стоянками роскошных яхт, и переливается через горы. А потом на вершине острова раскрывается кратер вулкана, который разносит весь остров на куски.

Во втором фильме – вид на берег Англии. Вспухают несколько бугров воды, от них распространяется волна. По

мере расширения кольца волны она становится ниже. В море кажется пологой и неопасной, но когда подходит к берегу, ее высота вырастает в несколько раз. Громадная волна накрывает берег. Небоскребы Лондона выглядят карликами на ее фоне. Она их смывает. Просто смывает – такие здания не рассчитаны на боковые нагрузки. Голос за кадром рассказывает, что скорость волны в океане доходила до тысячи километров в час, на суше – меньше, всего километров триста. Вода пройдет над всей территорией равнинной Англии, кроме немногих холмистых мест на севере провинции. Все города будут уничтожены.

– Это беспредел какой-то... – растерялась Вика.

– Ну, биологическая война на всей планете – тоже не комильфо. От нее жертв побольше будет, чем население всей Британии. В десятки раз больше.

– Такая мелкая страна и так напакостила...

– Угу. Я считаю, каждый народ отвечает за то правительство, которого оказался достоин.

* * *

Политики США долго спорили, что делать. В конце концов, победила та группа, которая потребовала ответить ударом на удар. Вряд ли их так затронула гибель Англии, скорее дело было в том тропическом острове, который исчез с карты, и на котором погибли их коллеги с семьями. А может, они просто не могли выполнить требования России – или вакцины было не так много, как требовалось, или выдача

виновников на международный трибунал показалась невозможной. Один сенатор прямо заявил: «Любой, кто проголосует за выполнение ультиматума, не будет переизбран на следующий срок». Эти оптимисты реально думали о том, что следующий срок будет.

В странах НАТО привели в боевую готовность систему ПРО. А так как Россия была по лабораториям, расположенным в этих странах, начался обмен ударами. Зенитные ракеты по крылатым. Крылатые и беспилотники – по системе ПВО. Крылатые ракеты по целям в России. Массированный удар всеми средствами по объектам НАТО в ответ.

На устранение целей в Европе и Турции США ответили полномасштабной ядерной атакой.

Российская система ПРО справилась неплохо. Большая часть американских баллистических ракет не долетела до цели. Бомбардировщики с ядерными зарядами тоже были уничтожены. Крылатые ракеты с подводных лодок и кораблей частично прошли через системы ПВО. К счастью, Москва и большая часть страны находились за пределами досягаемости таких ракет.

В ответ был нанесен полномасштабный ядерный удар по территории США.

Были подорваны термоядерные торпеды у берегов Калифорнии и вдоль восточного побережья США. Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон, Филадельфия, Лос-Анжелес перестали существовать. Обратной волной досталось побережью Испа-

нии и Франции.

В океанах флоты охотились друг за другом.

В космосе уничтожались военные спутники.

Крылатые ракеты с кораблей уничтожали систему ПРО США, которая была рассчитана на нападение с севера. Когда ее уничтожили, по маршруту через полюс прилетели баллистические ракеты.

В этот момент хитроглазые китайцы вступили в войну и нанесли удары по тихоокеанскому флоту, базам и побережью США.

Дальше начался хаос. Северная Корея обстреляла ракетами Японию, начала массированный артиллерийский обстрел Южной Кореи и двинула войска на ее территорию.

Китайские войска двинулись на спорные острова.

Вьетнамские атаковали Китай.

Индия обменялась ядерными ударами с Пакистаном.

Арабы и Иран двинули войска в Израиль.

Турция начала войну с Грецией.

Сербы вооружили ополчение и пошли на албанцев и хорватов, армии которых без поддержки США просто разбежались.

В Германии и Франции начались массовые беспорядки мусульман с резней белых.

В Африке на пандемию безумия и ядерную войну просто не обратили внимания. Там и до нее было неспокойно. На фоне эпидемий и постоянных войн за природные ре-

сурсы между бандами мировая война прошла незамеченной. Безумие органично дополнило длинный список из малярии, тропических лихорадок, СПИДа, туберкулеза, серповидной анемии и многих других болезней, прочно обосновавшихся на этом континенте. Конечно, чуть позже африканцы заметят, что никто больше не покупает их медь, кобальт, тантал, бериллий и прочие редкие и ценные металлы. Заметят и станут заниматься выращиванием бататов и маниока.

* * *

К утру стало ясно, что ядерная война в целом закончилась. Количество боеголовок и их мощность оказались не так велики, как об этом когда-то писали фантасты. Во многом это оказалось следствием разоружения, проведенного в конце прошлого века. Свой вклад внесла и хорошая работа систем ПРО.

Конечно, удары не прошли бесследно. В Москве ядерный взрыв произошел на северо-востоке города. Один из промышленных районов и кусок МКАДа стали радиоактивными, ближайшему спальному району тоже досталось. Пострадали от ударов несколько других городов, где система ПВО была не такой насыщенной, как в столице. В общей сложности на территории страны взорвалось несколько десятков ядерных зарядов. И несколько сотен неядерных, в основном – на юге, куда добивали ракеты с баз и кораблей США. Большинство ударов было направлено на военные объекты. Не из гуманизма, просто в такой краткосрочной версии войны

нет смысла тратить ограниченные ресурсы на уничтожение населения.

Самым удивительным оказалось то, что на утро после ядерной войны нормально работала сотовая связь и сеть, хотя часть сайтов и легла.

* * *

В промежутке между второй волной ракетных ударов и утром где-то недалеко от нас, похоже в квартире на этаж выше, страшно кричали дети. Я подхватился, чтобы бежать на помощь, потом остановился. Вот прибегу я, за железной дверью квартиры кричат. И что? Ломиться в нее? Стрелять в замок?

От беспомощности опустили руки. Это раньше, если грабители ворвались в квартиру или буянит пьяница, они могут испугаться прихода соседей и полиции. А безумцу в приступе бреда без разницы, что происходит за дверью. Он не думает о будущем. Если безумец – мать или отец этих детей, их уже не спасти.

Пока я стоял задумавшись, крики прекратились. Я отложил автомат, который успел схватить, и сел, свесив руки между колен. Вика подошла, прижала мою голову к себе. Стало легче.

– Наверное, утром там не будет никого живого. Если кто-то из родителей напал на своих детей, он и сам жить не станет, скорее всего, – сказала она.

– Сходим утром, посмотрим. Если дверь открыта – зай-

дем, глянem, а если нет – вскрывать не имеет смысла. После этой ночи квартир с мертвецами внутри останется много.

Мы оказались правы. Дверь той квартиры утром оказалась заперта. Внутри – тихо, на звонок и стук никто не отозвался. В ту ночь у многих не выдержала психика и они решили уйти из жизни. Некоторый – в одиночку, а некоторые прихватили всю семью.

* * *

Восход солнца мы встретили на балконе.

Утро наступило, обмен ядерными ударами закончился, а мы всё еще были живы. Это внушало надежду.

Панический страх, который сидел в глубине души в последние дни, ушел. Казалось бы – вокруг война, всё рушится. Но самое плохое уже случилось, теперь можно попытаться разобраться в этом хаосе, в будущем станет лучше.

Еще несколько часов мы отслеживали информацию о происходящем в мире.

Обмен ракетными ударами действительно прекратился.

У России своих проблем хватало, ее происходящее в других странах больше не волновало. И чужие территории не интересовали. Каждый человек, способный жить в обществе и выполнять приказы, превратился в ценность и отправлять таких людей на захват каких-то объектов за границей никому не интересно.

США за одни сутки из мощной страны превратились в кучку разрозненных штатов. Федеральные органы, которые

скрепляли разнородные регионы в одно целое, были смыты волной вместе с Вашингтоном. Конечно, политики и самые богатые люди успели спастись на вертолетах, но опереться им было не на кого. Аппарат чиновников, офисы, документы, базы данных – исчезли. Одновременно Штаты, вместе с Нью-Йорком, лишились верхушки финансовой системы и руководства крупнейших корпораций. А гибель Калифорнии унесла с собой главный кластер высокотехнологических компаний. На территории страны развернулся передел сфер влияния. В крупных городах вспыхнули беспорядки и войны банд. Южные штаты вооружались. Психованные стрелки расстреливали десятки людей в кампусах и супермаркетах. Через границу рвались мигранты, испуганные эпидемией, которая уже развернулась в Латинской Америке. Латиносы несли с собой заражение, и процесс этот шел гораздо быстрее, чем планировали организаторы биологической войны.

Китай, пораженный вирусом еще сильнее, чем Россия, не мог себе позволить войну. Он занял несколько островов, позволяющих контролировать Тихий океан, и захватил плацдарм в Японии. На этом остановился.

Приграничные войны, вспыхнувшие в разных странах, выродились в столкновения разрозненных отрядов, потерявших общее управление.

Северная Корея захватывала территорию Южной, но при этом ее армия устилала путь своими трупами. Чем это кон-

чится – было непонятно, да и неважно.

Евреи панически бежали из Израиля. Успели не все. А потом оказалось, что и бежать некуда. Они во всех СМИ говорили о геноциде, но всему миру было плевать. На землях, которые арабы вернули себе, началась резня.

В Европе уличные столкновения перешли в войну национальных банд.

Скоро стало ясно – никому нет дела до нас, а нам нет дела до мира. Каждому человеку в первую очередь надо думать о том, что его окружает, а не о других городах и странах.

В какой-то момент мы с Викой насытились информацией, приготовили зеленый чай и отложили мобильники.

– А ведь армия еще работоспособна, судя по тому, как прошла ядерная война, – сделала вывод из прочитанного Вика.

– Сложно сказать. В ПВО и стратегических войсках не так много людей. Там высокая степень автоматизации, жесткие регламенты, служат профессионалы, которые привыкли всегда поддерживать готовность. Потому и смогли сохранить дееспособность. В обычных частях всё может оказаться по-другому.

– Как думаешь, у нас государство еще существует?

Я пожал плечами.

– Думаю, да, но не уверен, что стоит на него надеяться. Интересы государства и наши личные интересы – это две большие разницы.

– Но электричество и связь всё еще есть.

– Это да. Но на большее рассчитывать не стоит. Электричество, связь, вода обеспечиваются оборудованием, с небольшим участием людей. А вот порядок поддерживают конкретные люди, полиция. И эти люди безумны, каждый по-своему. То же самое с медициной. Плюс к этому – у властей сейчас много срочных забот. Замена безумцев на высоких постах, передел власти и контроля над ресурсами, перехват тех организаций, которые еще работают, удержание от развала жизненно важных направлений. До нашего уровня их внимание опустится нескоро.

– Значит, спасение утопающих – дело рук самих утопающих?

– Пока да. А когда мы себя спасем, придут дипломированные спасатели и потребуют, чтобы мы им подчинились.

– Я вообще не представляю, как оно всё будет, – призналась Вика.

– И я не представляю. Никто не представляет. На первом этапе надо просто выжить.

* * *

За окнами послышались гулкие выстрелы. И визг. Мы метнулись на балкон. По дороге я прихватил автомат. Внизу у соседнего подъезда стоял какой-то мужик с помповым ружьем.

– Предатели! – орал он.

Около подъездов стояли машины. Много машин. Некото-

рые жильцы решили бежать из города на дачи. Загружали вещами багажники. Из-за одной машины торчали чьи-то неподвижные ноги. На дорожке лежал труп. Что он мертв, было понятно по позе – лежит на спине, руки раскинуты, а ноги неудобно согнуты. Живой так лежать не станет.

За невысокими кустами от стрелка прятались две женщины. За машиной присел пожилой мужчина.

Мужик с ружьем шагнул вперед. Он сильно покачивался, похоже – пьян в дымину. Он повернул в сторону женщин. Заметил их через листву, поднял ружье.

Мой автомат уже давно сам собой лег цевьем на перила балкона. Я отслеживал стрелка в прицел. Оставалось только нажать на спуск. Я нажал. Автомат дернулся, удар одиночного выстрела прокатился эхом между домами.

Стрелок упал.

* * *

– Я сбегая за ружьем, пока не утащили! – спохватилась моя практичная девушка.

– Нет!! – схватил я ее за руку.

Мне было страшно выпускать ее одну наружу.

– Вот, держи автомат, прикрывай меня сверху.

Вика кивнула. Я передал оружие, а сам метнулся в коридор. По дороге схватил пистолет и ключи.

На площадке было пусто. Я сбежал по лестнице.

Внизу перед закрытой дверью подъезда жались люди. Семья из нашего подъезда, я их узнал, и еще пара незнакомых

лиц.

– В сторону!

– Нет! Там убийца! – встала мощной грудью на защиту запертой двери женщина лет сорока.

– Убийца – это я. А там – труп. В сторону!

Я вытащил из кармана пистолет, потому что сейчас непонятно, чего ожидать от людей, даже с виду нормальных.

Люди шарахнулись в сторону.

– Не бойтесь, всё нормально. Я сейчас выйду и вернусь, – успокоил я их.

Проходить вплотную к людям было страшновато. Вдруг у кого-то переклинит мозги, станет за руки хватать? Но обошлось.

Я выскочил из подъезда, быстро огляделся и бросился к трупу стрелка.

Подбежал почти вплотную и замер.

Труп не был трупом. Он поднял голову, посмотрел на меня. Его рука с толстыми волосатыми пальцами ухватила цевье ружья. На груди, на футболке, было пятно крови.

Я направил пистолет ему в голову и выстрелил. Спуск оказался неожиданно жестким. Рука качнулась, пуля ушла куда-то в сторону, мимо головы.

Мужик приподнялся, ствол ружья повернулся в мою сторону.

Я выстрелил ему в туловище. Дважды. Теперь спуск оказался легким. Обе пули попали в человека и отбросили его

на землю. Он замер.

Я осмотрелся. Вроде всё тихо. Те, кто прятался, вылезать не торопились. Правильно делали.

Я ногой отодвинул ружьё, поднял его, повесил себе на плечо стволом вниз. Быстро обшарил тело умирающего мужчины. Нашел ключи от машины и квартиры, бумажник с бумагами. Прихватил – вдруг понадобится. Кошелек не было. Через плечо мертвеца была надета сумка, в ней перекатывались патроны к ружью. Стащил ее, надел на себя. Вроде всё.

Ушел в свой подъезд.

* * *

Из двери выглядывал отец семейства, которое пряталось от стрелка.

– Всё, можно выходить, – успокоил я людей.

– Молодой человек, а вы не можете посторожить, пока мы грузимся? – попросила женщина. – Вдруг опять кто-то станет стрелять?

Я вздохнул. У добрых дел всегда бывают последствия. Стоит совершить доброе дело, и окружающие навесят на тебя обязанность им помогать. Стоять у подъезда я точно не планировал. Но и не помочь семье, которая в полном составе сохранила вменяемость, не мог. Особенно если в семье два ребенка.

– Я с балкона посторожу. Так будет даже лучше.

Мать семейства вздохнула с облегчением.

– А вы не продадите мне ружье? – поинтересовался незна-

комый парень.

– Нет. Самому мало.

Я уже развернулся, чтобы уходить, тут в голову пришел интересный и важный вопрос:

– Простите, а как дети перенесли болезнь?

Женщина погрузилась.

– Болели тяжело, мы боялись, умрут. Потом у них начались приступы паники. Но если во время приступа плотно обнять и пошептать что-то спокойное, он проходит.

– Ну, приступы паники – не самое страшное, что могло произойти... может, еще вылечатся от них.

Я попрощался и поднялся наверх.

В квартире на меня набросилась Вика. Она стучала меня в грудь кулачками и ругала:

– Ты зачем меня наверху оставил? Прикрывать тебя? А сам? Ты встал так, что закрыл от меня этого урода, я выстрелить боялась, чтобы по тебе не попасть!

– Всё хорошо, милая. Всё хорошо, – я прижал ее к себе. – В будущем буду учитывать, постараюсь не перекрывать тебе выстрел.

Вика была права. Бойцом я оказался неопытным. Хорошо, это не привело к фатальным последствиям. В следующий раз буду чуть умнее.

Потом мы пошли на балкон. Сторожить двор, пока наши соседи грузятся. Уехало четыре семьи из нашего подъезда и три из соседнего.

Пока мы там сидели, во двор въехала грузовая газель, какие-то угрюмые люди, не задавая вопросов, забросили в нее трупы и увезли. Их охраняли двое военных с автоматами.

5. Новые члены команды

– Слушай, а что с работой делать? – задала мне неожиданный вопрос Вика, когда мы сидели на балконе с дробовиком и автоматом, наблюдая за отъездом соседей.

– А что с ней делать?

– Ну смотри, электричество кто-то подает, воду кто-то качает, продукты кто-то должен развозить, банки проводят расчеты, работает связь и магазины. То есть война и эпидемия – не повод всё бросать и прекращать работу, так?

– Ну, так, – такая точка зрения на апокалипсис оказалась для меня неожиданной.

– Значит и мы должны работать?

Я задумался. Вот серьезно – как так? Если все бросят работу – сразу всё рухнет в каменный век. Но и идти на работу глупо, если деньги не сегодня-завтра обесценятся, а главной валютой станут патроны. Мы за сутки стали богаче на три ствола, три машины и одну квартиру. Да и кому теперь нужны те проекты, которые вела наша компания?

– Мы можем взять больничный, – понял я. – У нас температура, и вообще.

– Точно! – обрадовалась найденному решению Вика. – Но я всё равно позвоню, скажу начальнице. Заодно узнаю, как там в офисе.

Вика набрала номер. Ответа не дождалась. Набрала еще

один. И еще. Ее начальница ответила по личному сотовому номеру. Сказала, что пока положение как-то не стабилизируется, их фирма работать не будет. А руководство чем-то своим занимается – то ли планирует мир захватывать, то ли чужой склад удобрений приватизировать.

Я тоже позвонил в свой офис. К моему удивлению, мне ответили. Телефон снял один из совладельцев компании.

Разговор состоялся забавный. Он долго выпрашивал, есть ли у меня какие-то навыки программирования. Ну хоть какие-то. Видно, профессиональные кодеры вышли из болезни с такими изысканными маниями, что привлечь их к работе было совершенно невозможно.

Когда я признался, что немного умею, бизнесмен стал мне рассказывать о том, какие великолепные перспективы открылись. Он начинает проекты по созданию софта, который будет обеспечивать удаленную работу предприятий и компаний. Спрос на эти услуги бесконечный, все, кто вовремя поучаствует, станут богатыми людьми, а в перспективе захватят мир. А работать можно удаленно.

Мужик говорил так убедительно, что я уже почти готов был начать что-то делать. Меня смущала только одна мысль – а учел ли он, что пока мы будем писать софт, отключат связь и электричество?

Здравый смысл победил, я извинился, сказал, что болен, но как только выздоровею – так сразу позвоню.

– О чем ты так долго?

– Кажется у одного из владельцев компании мания величия и сверхценная идея. И ведь убедительно говорит, гад. Не удивлюсь, если он действительно проект организует и что-то реальное сделает.

Внизу захлопнулись дверцы и фыркнул двигатель последней из отъезжающих машин. Всё, наша миссия охранников закончена. Норма добрых дел на сегодня перевыполнена.

– Чем займемся? – Вика прищурилась, намекая, что вариант ответа «сексом» ей понравится.

– Давай почитает инструкции к нашему оружию. И видео всякие обучающие посмотрим. А то я попытался выстрелить из пистолета – и что-то непонятное получилось. Промахнулся в результате с двух метров.

Подруга вздохнула, но не стала спорить. Как с автоматом обращаться – понятно, этому в школе научили. Даже представить себе не мог, что стрельба из автомата – самое важное, что я оттуда вынесу. А вот с пистолетом и помповым ружьем что делать – мы вообще не в курсе. Надо читать и смотреть, пока есть такая возможность.

* * *

Мы углубились в изучение оружия, когда прозвучал звонок в дверь.

«Неужели полиция пришла разбираться по стрельбе?» – мелькнула мысль.

Я сунул пистолет в карман и глянул в глазок. Перед дверью стояла... квартирная хозяйка. В темных очках, неумест-

ных в темном подъезде. С ребенком, которого держала за руку.

Вика встала рядом с автоматом на плече.

Я открыл. Женщина вошла, увидела автомат, застыла с округлившимися глазами.

– Не волнуйтесь, всё нормально. Просто время сейчас небезопасное, – успокоил я ее.

Арендодательница помялась, потом выдала:

– Я вас выселяю.

– Что?

– Извините, я не могу больше вам сдавать.

– Стоп, – вмешалась Вика. – Мы оплатили до конца месяца. И еще за месяц залог у вас.

– Я верну вам деньги.

– Нам не нужны деньги. Нам нужна квартира.

Женщина неожиданно расплакалась. Сняла очки, чтобы вытереть слезы. Левый глаз украшал роскошный синяк.

– Нам больше некуда идти.

Ее сын прижался к матери, спрятал лицо и тоже заплакал.

Вика глянула на меня беспомощным взглядом. Одну квартирную хозяйку мы бы просто послали. Мы в своем праве, она должна предупреждать о расторжении договора заранее. Но с ребенком... С ребенком она уже не квартирная хозяйка, а живой человек, и даже мать.

– Мой лимит добрых дел на сегодня и так перевыполнен! – проявил я стойкость.

– Мы можем переселиться к соседям, – напомнила Вика. – Мы всё равно собирались.

– А вдруг наследники найдутся?

– Поищем другую пустую квартиру. А вообще, ты как себе представляешь вступление в права наследства сейчас? У кого ключи – тот и прав. А если есть еще и автомат, так вообще сложно оспаривать.

– Я вам компенсирую неудобства, – добавила женщина. – Залог верну и деньги за весь этот месяц.

«Анна Григорьевна» – вспомнил я ее имя.

Мы с Викой переглянулись.

– Хорошо, Анна Григорьевна. Сегодня мы перетаскаем все наши вещи.

– Можно просто Аня. Спасибо.

* * *

Ане было лет тридцать пять. Высокая, темноволосая, неплохо выглядит. Полновата. Не толстая еще, но избыток здоровья уже начал распирает ее тело, если не найдет, куда это здоровье девать, скоро потолстеет.

Сыну ее, Сереже, как оказалось, одиннадцать. Обычный пацан, ничем не примечательный.

– Ой, а зачем это? – удивилась она, увидев в ванной синюю пластиковую бочку с водой.

– На случай, если воду отключат, запас. Только бочку эту мы сольем и заберем с собой.

– Ой, а зачем столько? – она увидела консервы, которые

не поместились в шкафчиках и стояли пирамидой под обеденным столом.

— Сами как думаете?

— Я и не подумала. Мне, получается, тоже надо запасы сделать?

— Сегодня может быть опасно в магазины ездить. Уже вчера драки были и полки почти опустели.

— А вы мне не поможете?

Анна осталась вообще без припасов. Хорошо, деньги, документы и одежду для себя и ребенка получилось захватить.

* * *

Мы поили ее и Сережу чаем, она нам рассказывала свою историю.

Она жила с мужем и сыном неподалеку. Квартиру, которую я у нее снимал, они купили после свадьбы. А потом умерла бабушка мужа, ее квартиру в центре они продали, купили большую новую квартиру для себя, а эту стали сдавать. Муж работал водителем. Она в последние годы сидела дома. О том, что происходит что-то странное, узнала от мужа. Первым заразился сын, потом взрослые. Температура, болезнь. Когда немного пришли в себя, муж стал нервным. А после прошлой ночи напился до невменяемого состояния. Ее ударил, стаканом в стену швырнул, кричал на нее, грозился зарезать. Она спряталась в спальне, подождала. Муж допил бутылку и уснул прямо на кухне. Она собрала вещи и тихо сбежала из квартиры с ребенком. Своей машины у нее

нет, они шли пешком. Транспорт работает, но с большими интервалами. По дороге видели неубранные трупы, к людям старались не подходить, боялись.

– Вы мне не поможете? У меня деньги есть, и рубли, и доллары.

Мы переглянулись. Тетку было жалко. В принципе, ничего плохого она нам не делала. Может, просто поводов не было, платили мы за квартиру вовремя, мебель не грызли, на обоях не рисовали. Если человек ничего плохого еще не сделал, его надо считать хорошим, ведь так?

– А как у вас болезнь проявляется? – задал я важный вопрос.

– Не знаю...

– Что изменилось за последние дни в ваших интересах? Какое-то новое занятие? Страсть? Заметили, что другие люди на вас по-другому смотрят? А может, кто-то вам советы прямо в мозг передает?

Аня задумалась.

– Даже не знаю. Единственное – я решила книгу написать. Я когда-то пробовала писать, одну мою статью в школьной стенгазете напечатали, – у женщины загорелись глаза. – Очень была интересная статья, все хвалили. А теперь я подумала – раз я писательница, значит, надо написать роман.

С ее манией было всё ясно. Графоманка, считающая себя гением.

Мы переглянулись с Викой. Она слегка пожала плечами,

мол, не такой уж плохой вариант, бывает хуже.

Иметь еще одного почти вменяемого человека в команде – неплохо. Чем больше с нами людей, тем большие задачи мы сможем решать, тем безопаснее станет наша жизнь.

– Я читала, что чем больше пережил писатель, тем ценнее то, что он напишет, – выдала Вика. – Вот вы сейчас переживаете войну и эпидемию, и у вас будет много интересного материала для романа. А пока вы можете заниматься другими делами.

Наша будущая великая писательница, когда услышала, что писать прямо сейчас ей рано, сразу напряглась, собралась спорить.

– А пока, – успокоил я ее. – Вы можете вести дневник, чтобы ничего не забыть.

– Точно! – просияла Аня. – Прямо сейчас и начну!

– Не надо прямо сейчас. Вы по вечерам его ведите. Каждый вечер кратко записывайте, что случилось за день. А когда эпидемия прекратится, у вас будет материал для гениального романа, или даже для нескольких.

Женщина согласилась.

Такими нехитрыми маневрами мы превратили навязчивую идею Ани в безобидное, а иногда и полезное, увлечение. А в будущем, чем черт не шутит, действительно напишет гениальный роман.

* * *

Сережа потянулся к уху матери, что-то ей сказал.

– Он есть хочет. Мы сбежали из дома, даже не позавтракав.

– Я сейчас приготовлю... – подхватила Викя.

Подхватила, открыла холодильник и озадаченно уставилась на его внутренности.

– Я могу мяса поджарить, – неуверенно предложила она.

Достоинства моей любимой неисчислимы. Но на кухне она чувствует себя неуверенно. Все, что сложнее куска жареного мяса, она готовит по рецептам. А об особенностях питания детей вообще не в курсе.

Аня подошла, посмотрела на наши запасы. Мяса мы набрали много, в морозилку не влезло. И в соседскую не влезло – там уже своих запасов было много.

– Овощей у вас что, совсем нет? – удивилась Аня.

– Ой, у соседей в холодильнике были! – Викя бросилась к двери.

– Стой! – остановил я. – Я посторожу.

Взял ружье, я уже успел разобраться, как из него стрелять, и вышел вместе с подругой на лестничную площадку. Лучше перебдеть, чем напороться на очередного психа.

Викя заскочила в соседнюю квартиру, взяла из овощного ящика морковки и картошки.

Пришлось рассказать Ане о том, что соседняя квартира пустует, и у нас есть от нее ключи. О покойной Свете рассказали, а о судьбе ее мужа промолчали, сказали, что он просто исчез.

Аня быстро разобралась с продуктами и скоро на плите кипел суп, а пока он варился, голодный ребенок ел бутерброд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.